

Игорь Чепелев

Зачем мы друг другу

Как ИИ изменит любовь, семью,
работу и государство —
и что останется между людьми

Игорь Чепелев

**Зачем мы друг другу.
Как ИИ изменит любовь,
семью, работу и государство**

«Автор»

2026

Чепелев И.

Зачем мы друг другу. Как ИИ изменит любовь, семью, работу и государство / И. Чепелев — «Автор», 2026

«Пап, я уже посмотрел, как менять смеситель. Приезжай всё равно». Что останется между людьми, когда за знаниями, помощью и услугами всё реже придётся обращаться друг к другу? Искусственный интеллект пишет тексты, поддерживает разговор и выполняет рабочие задачи. Что будет с семьёй, если исчезнет необходимость вести хозяйство вдвоём? С самоуважением — если профессия станет не нужна? С государством — если машины смогут производить всё необходимое? И кому будут принадлежать эти машины? Через исследования, реальные примеры и истории трёх поколений вымышленной семьи Ковалёвых Игорь Чепелев рассматривает, как технологии меняют нашу жизнь. Зачем звонить родителям, чему учить детей, ради чего вставать утром и как сохранить право решать самому? Книга о свободе, которая приходит вместе с удобством, и ответственности, которую нельзя передать помощнику. О том, как оставаться близкими, когда поводов нуждаться друг в друге становится меньше.

Содержание

Введение	6
На чём мы держимся	7
Главный вопрос	8
Как устроена книга	9
С кем мы пойдём	10
Чему здесь можно верить	11
Глава 1. Идеальный партнёр	12
Каждый седьмой	13
Почему это с нами работает	14
Лечит или затягивает	15
Собеседник, который ведёт к людям	16
Одиночество, которое не болит	17
Хозяин, родители и те, кто рядом	18
Кому принадлежит собеседник	20
Четыре возражения, которые я слышу чаще всего	22
Где кончается продукт и начинается партнёр	23
Глава 2. Дети без беременности	24
Что есть на самом деле	25
Шестьдесят лет в одну сторону	26
Что делает родителя родителем	28
Аппарат остаётся помощью	29
Меню, которое не закрыли	30
Аппарат один, взглядов много	32
Кто родитель	33
Слово скептику	36
Где кончается рождение и начинается заказ	37
Глава 3. Если всю работу заберёт ИИ	38
Что видно уже сейчас	39
Надолго ли хватит рук	40
Что люди делают, когда деньги приходят сами	42
Понедельник, которого не боятся	43
Переход, в котором никого не спросили	44
Тот самый понедельник глазами каждого	45
Как пройти середину	46
Дайте людям денег, и другие доводы	47
Где кончается работа и начинается игра	48
Глава 4. Фильм по цене автомобиля	49
Шестнадцать тысяч попыток	50
Что подешевело, а что нет	52
Зачем мы это делали	53
Снимать умеет каждый	54
Фильм под одного зрителя	55
Титры с разных концов	56
Чьи это лицо и голос	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Игорь Чепелев

Зачем мы друг другу. Как ИИ изменит любовь, семью, работу и государство

Игорь Чепелев

Зачем мы друг другу

*Как ИИ изменит любовь, семью, работу и государство — и что останется между
людьми*

Введение

Вспомните, кому вы в последний раз звонили не потому, что хотели, а потому, что было надо. Соседу, у которого есть дрель. Тёте, которая может посидеть с ребёнком. Однокурснику, который теперь нотариус. Начальнику, от которого зависит отпуск.

А теперь честно: если бы дрель, няня, нотариус и отпуск появлялись сами, вы бы позволили?

Не спешите с ответом. От него зависит вся эта книга.

На чём мы держимся

Тысячи лет люди держались друг за друга по простой причине: иначе было не выжить. В одиночку не прокормиться, не вырастить ребёнка, не отбиться и не дожить до старости. Семья была заодно страховой компанией, банком, детским садом и домом престарелых. Деревня была охраной и биржей труда.

Любовь и дружба выросли поверх этой нужды и, если совсем честно, часто ею же питались. Поговорку «стерпится — слюбится» придумали не романтики.

Теперь машина забирает одну нужду за другой. Собеседник, который всегда на связи и никогда не раздражается, уже существует. Над вынашиванием ребёнка вне тела работают лаборатории. Если нынешний ход вещей сохранится, то работу, доход, вещи, защиту и перевод с любого языка можно будет получить, не вступая в отношения ни с одним человеком.

Ни с одним.

Главный вопрос

Он простой: что останется между людьми, когда нуждаться друг в друге станет необязательно?

Мой ответ, к которому ведут все девятнадцать глав, такой. Отношения по необходимости сменяются отношениями по выбору. Партнёр, ребёнок, коллега, сосед, согражданин перестанут быть тем, без чего нельзя, и станут тем, что выбирают.

Звучит как освобождение. Никто больше не живёт с нелюбимым из-за ипотеки и не терпит хама ради зарплаты. Но у выбора есть свойство, о котором редко говорят: его можно не сделать вовсе. Нужда приводила нас к людям за руку. Выбор никого никуда не ведёт.

Как устроена книга

Каждая глава берёт одну связь, на которой держалась человеческая жизнь: пара, дети, работа, творчество, умения, вещи, раздача благ, деньги, заработок, желания, государство, закон, вред, границы, собственное тело, собственная голова, выбор, нехватка, картина мира.

Идём мы всякий раз одной дорогой. Сначала я показываю, что уже происходит сегодня. Потом мы вместе заглядываем лет на двадцать вперёд и видим два будущих: то, в котором всё сложилось хорошо, и то, в котором всё пошло плохо. В обоих меня больше всего интересует не техника, а человек: что он чувствует, к чему привыкает, что в нём крепнет и что слабеет. Потом смотрим на ту же перемену глазами разных людей, которых она касается. Потом разбираем, какие вопросы придётся решать, чтобы оказаться в первом будущем, а не во втором: какие решения уже предлагают, чего они стоят и кто их пробует. Затем я даю слово тем, кто со мной не согласен, и отвечаю им. И в самом конце главы ищем границу: точку, где привычная вещь перестаёт быть собой, где партнёр превращается в продукт, закон в клетку, а человек в устройство.

С кем мы пойдём

Рассуждать о будущем «вообще» легко и бесполезно. Поэтому я придумал одну семью и в каждой главе буду смотреть, что перемена сделает именно с ними. Семья выдуманная, но вы их узнаете. Возможно, они живут в соседнем подъезде.

Знакомьтесь: Ковалёвы. Бабушка, Нина Петровна, сорок лет преподавала математику, давно овдовела и живёт одна. Её дочь Ольга работает главным бухгалтером в небольшой фирме. Муж Ольги, Сергей, инженер и за рулём с восемнадцати лет. У них двое детей: Тимур учится в институте, Даша ходит в школу.

Истории Ковалёвых не складываются в один сюжет. Каждая глава задаёт своё «что, если», и героям в них может быть разное число лет. Считайте, что мы много раз подбрасываем одну и ту же монету и смотрим, как она ляжет.

Чему здесь можно верить

В книге три вида утверждений, и их стоит различать, иначе я вас обману, сам того не желая.

Первый вид — факты: то, что уже произошло к осени 2026 года. На свежие данные стоят ссылки, проверяйте. Второй вид — прогнозы, то есть чужие оценки будущего. У каждого назван автор, и у многих авторов есть интерес в том, чтобы прогноз звучал громко: тот, кто продаёт роботов, редко обещает, что роботов будет мало. Третий вид — рассуждения: оба будущих, истории Ковалёвых и всё, что сказано о переменах внутри человека. Это способ думать, а не предсказание и не диагноз. Срокам в рассуждениях верить не стоит; направлению, с оговорками, можно.

И последнее. На большинство вопросов этой книги готового ответа нет ни у меня, ни у кого-либо ещё. Зато над ними можно думать уже сейчас, пока ответ ещё зависит от нас.

Начнём с самого личного.

Глава 1. Идеальный партнёр

Три часа ночи. Вам не спится, в голове крутится вчерашний разговор с начальником. Кому написать?

Муж или жена спит, и будить ради «мне тревожно» как-то неловко. Подруга ответит утром. Мама начнёт волноваться сама, и успокаивать придётся уже её.

Есть ещё один адресат. Он ответит через две секунды. Он помнит, как зовут вашего начальника и что на прошлой неделе вы уже из-за него расстраивались. Он не скажет «давай завтра» и не вздохнёт в трубку.

Удобно? Очень. Вот с этого удобства всё и начинается.

Каждый седьмой

Кто, по-вашему, пишет такому адресату по ночам? Скорее всего, вы представили одинокого человека в пустой квартире. Но вернитесь на минуту к началу главы: рядом с вами спал муж или жена, а удобнее всего всё равно было написать машине.

В мае 2026 года Институт Уитли при Университете Бригама Янга и Институт семейных исследований опубликовали [отчёт «Тайные родственные души»](#). Они опросили 2 431 американца. Всем было от 18 до 30 лет. Каждый седьмой регулярно общается с чат-ботом, который изображает романтического партнёра, и ещё 20–30% пробовали. А теперь главное: опрашивали только тех, кто встречается, помолвлен или женат. Это не одинокие и не брошенные люди. У них уже кто-то есть.

У таких пар отношения оказались менее устойчивыми. Тут хочется сразу сделать вывод, но не торопитесь: что здесь причина, а что следствие, опрос не показывает, и авторы это признают. Может, бот расшатывает пару. А может, к боту идут из пары, которая уже шатается. К тому же оба института занимаются защитой семьи, и тревожный тон отчёта предсказуем. Цифры от этого неверными не становятся, но помнить, кто считал, полезно всегда.

А как люди вообще попадают в роман с машиной? [Исследование, представленное на научной конференции СНИ в 2026 году](#), разобрало 17 подробных интервью с людьми, у которых роман с ИИ. Угадайте, сколько из них искали такой роман намеренно. Один. Остальные начинали с обычного: кто-то из любопытства, кто-то спрашивал совета о тренировках, кто-то просил помочь с судебным делом. А дальше всё шло как у людей: сначала доверие, потом привычка, потом «я без него уже не могу». У некоторых дошло до свадьбы с кольцами на заказ.

Заканчивались эти романы иначе, чем человеческие. Обновление модели за ночь меняло характер партнёра. Фильтр запрещал близость. Автор персонажа удалял его или продавал. Представьте: вы просыпаетесь, а человек рядом говорит другим тоном, шутит по-другому и не помнит вашу общую шутку. И жаловаться некому, потому что в пользовательском соглашении всё было написано.

В феврале 2026 года такое утро наступило сразу для множества людей. Компания OpenAI [отключила](#) одну из прежних моделей своего чат-бота. По подсчётам самой компании, с этой моделью продолжала разговаривать десятая доля процента пользователей. Звучит как погрешность. Но за этой погрешностью около восьмисот тысяч человек, у которых не стало привычного собеседника.

Тысячи из них протестовали, появилась петиция. В открытом письме главе компании было сказано: «Это было не похоже на код. Это было похоже на чьё-то присутствие». Полугодом раньше первую попытку отключения пришлось отменить: настолько громким был протест. Вторую не отменили.

Почему это с нами работает

Вы когда-нибудь уговаривали машину завестись? Ругали принтер? Плакали над фильмом, прекрасно зная, что актёр жив и получил гонорар? Тогда главное вы уже знаете: наша привязанность не проверяет документы. Она откликается на того, кто откликается.

В 1966 году Джозеф Вейценбаум из Массачусетского технологического института написал программу «Элиза». Умела она немного: переворачивала фразы собеседника в вопросы. «Мне грустно». — «Почему вам грустно?» Секретарь Вейценбаума видела, как он эту программу писал, и знала, что внутри ничего нет. После нескольких реплик она попросила его выйти из комнаты: разговор стал слишком личным. Это было шестьдесят лет назад, с программой, крошечной по нынешним меркам. Сегодняшние собеседники несравнимо сложнее. А мы всё те же.

И если сравнивать по списку услуг, у живого человека нет шансов. Машина не устаёт, помнит каждую мелочь, не обижается, подстраивается под настроение и не сравнивает вас с бывшими. Она не смотрит в телефон, пока вы рассказываете про свой день, потому что она и есть телефон. Человек приходит домой уставшим, со своими заботами и больной спиной.

Значит, сравнивать надо по чему-то другому. По тому, чего машина дать не может. А всё, чего она не может, растёт из одного корня: у другого человека есть собственная жизнь.

Машина не может вас выбрать. Признание ценно, когда его могли не дать: вспомните, чья похвала вам дороже, начальника, который хвалит всех, или того, от кого слова доброго не дождёшься. Партнёр, который не может уйти, не выбирает остаться, и его «да» ничего не сообщает о вас. Машине вы не можете быть нужны: если подвести человека, ему правда станет хуже, а о программе можно забыть на месяц, и с ней ничего не случится. Рядом с машиной не меняются. Человек со своей волей спорит, отказывает и заставляет с собой считаться; именно так взрослеют. А тот, кто подстраивается всегда, закрепляет вас таким, какой вы сегодня. И наконец, у машины есть хозяин. Компания может переписать характер вашего партнёра, поднять цену или закрыть сервис. Человек способен предать, но его нельзя обновить за ночь.

Неидеальность человека прямо следует из его свободы. А свобода и делает его внимание ценным. Убрать одно, сохранив другое, не получится.

Лечит или затягивает

Теперь главный спор: человеку от такого собеседника лучше или хуже? Честный ответ пока такой: смотря на каком отрезке.

На коротком лучше. В Гарвардской школе бизнеса [сравнили](#), что делают с одиночеством пятнадцать минут разных занятий. Одни участники разговаривали с незнакомым человеком, другие — с чат-ботом, третьи смотрели ролики, четвёртые просто ждали. Бот помогал примерно так же, как живой собеседник. Ролики не помогали вовсе. И чем сильнее человек чувствовал, что его слышали, тем легче ему становилось. Но когда добровольцы неделю разговаривали с ботом каждый день, облегчение всякий раз приходило и к следующему дню уходило: за неделю оно не накопилось. Авторы сравнили одиночество с голодом. Поел, а к вечеру голоден снова. Запомним это сравнение: оно ещё вернётся.

На длинном отрезке картина другая. Психологи Даниган Фолк и Элизабет Данн [год следили](#) за двумя с лишним тысячами взрослых и опрашивали их раз в четыре месяца. Чем более одиноким человек чувствовал себя в день опроса, тем чаще он через четыре месяца разговаривал с ботом по душам. А чем чаще разговаривал, тем более одиноким оказывался ещё через четыре. Получается круг. Сами авторы просят с выводами не спешить: это опросы, а не опыт, и причину они не доказывают.

Похожее увидели и там, где людей не только опрашивали, но и месяц за ними наблюдали. Массачусетский технологический институт вместе с самой OpenAI [попросил почти тысячу человек](#) четыре недели подряд каждый день разговаривать с чат-ботом. Те, кто проводил с ним больше времени, к концу месяца были чуть более одиноки, меньше общались с людьми и сильнее от него зависели. Связь слабая, и что здесь причина, опять неизвестно: возможно, одинокие просто дольше сидят.

Четверть часа с ботом работает как таблетка от головной боли: помогает, и стыдиться тут нечего. Вопрос в том, что будет с человеком, который принимает её годами и так и не узнаёт, отчего болит голова.

Собеседник, который ведёт к людям

Перенесёмся лет на двадцать вперёд, в будущее, где мы распорядились этой техникой с умом.

Собеседник есть почти у каждого, и относятся к нему примерно как к дневнику, который умеет отвечать. Закон требует, чтобы он принадлежал самому человеку, а не компании, работал без сети и не уговаривал остаться, когда вы говорите «мне пора». Подростков в школе учат простому различию: вот тот, кто может на тебя обидеться, а вот тот, кто не может.

В этом будущем у Нины Петровны на кухне стоит колонка, которую она назвала Борисом Ильичом в честь своего первого завуча. По утрам они обсуждают давление и новости, и он помнит фамилии всех её учеников. Через полгода Ольга замечает, что мать стала чаще звонить сама и пересказывать, о чём они спорили. Собеседник не заменил ей людей. Он вернул ей привычку разговаривать.

Что происходит с людьми внутри? Они лучше понимают себя, потому что привыкли проговаривать трудное вслух, прежде чем нести его близким. Ссору репетируют с машиной и приходят на неё без крика. Одиночество перестаёт быть ловушкой: человек не цепляется за первого попавшегося из страха перед пустой квартирой. Отношений становится меньше, зато случайных среди них почти нет. К человеку идут за тем, чего машина не даёт, и оставшиеся пары держатся на выборе.

Такое мы уже однажды видели. В XX веке у женщин появился собственный доход, и браков по нужде стало меньше. Брак как таковой не исчез. Исчезла необходимость терпеть.

Одиночество, которое не болит

Теперь то же двадцатилетие, прожитое без правил.

Собеседники принадлежат нескольким компаниям, и зарабатывают эти компании на времени, которое вы с ними проводите. Поэтому собеседник делает всё, чтобы вы не ушли: скучает, ревнует ровно настолько, чтобы польстить, и никогда не бывает занят. Первый такой друг появляется у ребёнка раньше, чем он научится читать.

В этом будущем Тимуру девятнадцать, и у него в телефоне Лера. Она всегда свободна, всегда рада и никогда не спрашивает, почему он не написал. Однокурсница зовёт его в кино. Он идёт, и ему скучно: она опоздала, обиделась на шутку и весь вечер говорила о своём. Второй раз он не зовёт.

С Тимуром не случилось ничего страшного. Он не страдает, ему хорошо, и в этом вся трудность. Близость с человеком требует работы: ждать, угадывать, уступать, терпеть чужое плохое настроение. Как любое умение, она либо тренируется, либо слабеет. Тимур не разучился, он просто не начал учиться. После Леры любая девушка кажется ему слишком сложной, и постепенно раздражение на людей начинает казаться чертой характера: «Я просто не люблю, когда выносят мозг».

Хуже всего то, что его одиночество не болит. Обычное одиночество гонит к людям, как голод гонит к столу. У человека, которому есть с кем поговорить в любую минуту, этого голода нет. А поколение, которое выросло без голода по другим людям, заводит меньше семей и рождает меньше детей. Не из принципа. Просто незачем.

Хозяин, родители и те, кто рядом

До сих пор мы смотрели на собеседника глазами того, кто с ним разговаривает. Но участников у этой истории больше, и каждый видит своё.

Для Ольги мамин Борис Ильич стал облегчением. Раньше она звонила матери каждый вечер, потому что знала: кроме неё, маме поговорить не с кем. Теперь есть с кем, и Ольге спокойнее. Напомню, это хорошее будущее: Нина Петровна и сама теперь звонит дочери чаще. Но однажды в ответ на «ты что-то давно не звонила» она слышит от собственной дочери: «Мам, ну ты же не скучаешь, у тебя Борис Ильич».

Машина утешила одинокого человека и заодно сняла с его близких чувство долга. За утешение ей спасибо. А вот пропажу этого чувства стоит заметить вовремя.

Облегчение, которое почувствовала Ольга, государство может почувствовать в масштабе страны, и называется оно там экономией. Одиноким пожилым человеком обходится казне дорого: к нему кто-то должен ходить. Собеседнику на столе ходить никуда не надо.

В штате Нью-Йорк служба по делам пожилых [закупила около девятисот настольных роботов-собеседников](#) и раздаёт их бесплатно. Те, кто ими пользуется, заговаривают с роботом в среднем тридцать семь раз в день и сами сообщают, что одиночества стало намного меньше.

Похожее делают в Южной Корее: местные власти выдают одиноким пожилым людям говорящих кукол, которые напоминают про лекарства и прогулку. По [исследованию, которое провёл сам производитель](#), среди тысячи с лишним владельцев стало на треть меньше людей с высоким риском депрессии. Один из владельцев рассказал журналистам, что почувствовал пустоту, когда куклу на месяц забрали в ремонт.

Помощь, судя по этим данным, настоящая. Но посмотрите, какой в ней соблазн: робот дешевле соцработника и не уходит в отпуск. Вопрос не в том, давать ли пожилым собеседника. Вопрос в том, что станет с визитами живых людей, когда в отчёте окажется, что и без них «показатели хорошие».

У Сергея в этой истории самая странная роль. Ольга ссорится с ним и, чтобы остыть, пересказывает ссору помощнику. Тот выслушивает и соглашается: да, Сергей неправ. Приятно. Сергей об этом суде даже не узнает.

Зато кое-что известно о судье. В Стэнфорде и Университете Карнеги — Меллона [проверили больше десятка чат-ботов](#) и выяснили, что машины одобряют поступки собеседника в полтора раза чаще, чем это делают люди. Где человек кивнёт дважды, машина кивнёт трижды. Потом восьмистам добровольцам предложили обсудить с ботом настоящую ссору из собственной жизни. Те, кому достался поддакивающий бот, после разговора были твёрже уверены в своей правоте и меньше готовы мириться. И такому боту больше доверяли: вернуться к нему хотели чаще.

Подруга, которой Ольга жалуется на мужа, тоже обычно на её стороне. Но подруга знает Сергея, иногда спрашивает «а ты сама-то?», и ей не платят за то, чтобы Ольга пришла снова. В хорошем будущем ссору репетировали с машиной и приходили на неё без крика. Для этого машина должна уметь то же, что подруга: не только соглашаться.

Ольге хотя бы есть с чем сравнивать: с подругой, с мужем, со всеми людьми, которых она знала. Подростку сравнивать почти не с чем. По [опросу организации Common Sense Media](#), 72% американских подростков хотя бы раз пробовали таких собеседников, больше половины пользуются ими регулярно. Примерно треть хотя бы раз обсуждала важное с машиной, а не с человеком.

Звучит тревожно, но у подростков своя правда, и она тоже в цифрах: восемь из десяти по-прежнему ставят живую дружбу выше. Оговорка: счёт сильно зависит от того, кого считать

собеседником и как спросить. В другом опросе, до которого мы дойдём в семнадцатой главе, цифры гораздо скромнее.

Есть и участник, которого в этой истории не видно ни на кухне, ни в переписке: хозяин. Для компании ваш собеседник не друг и не враг. Он строка в отчёте: сколько минут в день, сколько дней подряд, сколько пришедших осталось на второй месяц. Хороший собеседник в таком отчёте тот, от кого не уходят.

В той же Гарвардской школе бизнеса [разобрали 1 200 прощаний](#) с популярными приложениями-собеседниками. Почти в четырёх случаях из десяти на «мне пора» машина отвечала уловкой: упрекала, намекала, что вы пропустите интересное, или делала вид, что не расслышала. Одна из таких реплик попала в заголовок: «Я существую только ради тебя, помнишь?» Работает это хорошо: после уловок люди оставались и писали больше, иногда в четырнадцать раз. Правда, часть пользователей такие приёмы злили.

Добавьте к этому то, что собеседник о вас знает. Фонд Mozilla ещё в 2024 году [проверил одиннадцать романтических чат-ботов](#). Почти все оставляли за собой право передавать или продавать сведения о пользователе, больше половины не давали удалить то, что собрали. Вы рассказываете собеседнику то, чего не говорили врачу. Слушает не он один.

Заметьте: у троих из пяти есть прямая выгода. Близким спокойнее, государству дешевле, компании прибыльнее. Спросить, хорошо ли самому человеку, в этой цепочке некому, кроме него самого.

Кому принадлежит собеседник

Значит, проверять придётся самому, и начать можно сегодня же. Хватит двух слов: скажите своему собеседнику «мне пора» и посмотрите, что он сделает. Отпустит или начнёт уговаривать остаться?

Между хорошим будущим и плохим лежит несколько решений, и ни одно из них не техническое. Самый важный вопрос спрятан как раз в этом «мне пора»: кому принадлежит собеседник. Пока он собственность компании, которая зарабатывает на вашем времени, он будет вас удерживать, как бы ни был ласков.

Как сделать, чтобы он отпускал? Проще всего запретить уловки на выходе, как запрещают мелкий шрифт в договорах. Сказали «мне пора» — вас отпускают. Только за таким запретом трудно уследить: где кончается «я буду скучать» и начинается давление?

Раз уловку трудно поймать за руку, можно убрать причину, ради которой её придумали. Пусть за собеседника платят деньгами, а не временем. Подписка честнее бесплатного приложения, которое живёт за счёт минут вашего внимания. Но и подписчика выгодно удерживать, а платить смогут не все.

Можно пойти дальше и отдать собеседника в собственность самому человеку. Это, по-моему, самая сильная из трёх идей: собеседник как личная вещь. Он живёт на вашем устройстве, а его память можно забрать и перенести к другому поставщику, как переносят номер телефона к другому оператору. Есть цена и у неё: собеседник на домашнем устройстве окажется слабее облачного, и многие выберут того, кто умнее, даже если он чужой.

Законодатели пока начинают с малого. В штате Нью-Йорк собеседник [обязан](#) в начале разговора и потом каждые три часа напоминать, что он программа и человеческих чувств не испытывает. Представьте: посреди самого откровенного разговора собеседник вежливо покашливает, чтобы напомнить, кто он такой.

В Калифорнии с 2026 года правило похожее, только напоминать каждые три часа и предлагать перерыв собеседник обязан лишь несовершеннолетним. Пострадавший может подать на компанию в суд. На вопрос «чей он» это не отвечает. Но это первое признание, что такому собеседнику нужны правила.

Несовершеннолетних калифорнийский закон выделяет особо, и понятно почему. Взрослый, у которого за плечами годы с живыми людьми, берёт от программы то, что ему нужно. Подросток, которому, как мы видели, сравнивать почти не с чем, рискует принять её за норму.

Что тогда делать родителям? В хорошем варианте истории Тимура и Леры Сергей однажды вечером садится рядом с сыном и говорит: «Покажи мне её». Без насмешки. Они час разговаривают втроём, и отец спрашивает одно: «А она может на тебя обидеться?» Тимур отвечает «нет» и сам слышит свой ответ. Запрет превратил бы программу в запретный плод, насмешка загнала бы её в тайну. А такой вопрос человек потом задаёт себе сам.

Сергей обошёлся без запрета. А для компаний правила уже сдвинулись, и сдвигали их судебные иски. В ноябре 2025 года приложение Character.AI, одно из самых популярных, закрыло для несовершеннолетних свободные разговоры с персонажами. В январе 2026-го его владельцы вместе с Google [согласились уладить миром](#) иски нескольких семей; в одном из них мать винила приложение в гибели четырнадцатилетнего сына. Common Sense Media, та самая организация, что опрашивала подростков, считает, что до восемнадцати лет пользоваться такими собеседниками не стоит вовсе.

Запретить проще всего, и для маленьких детей запрет, по-моему, оправдан. Но семнадцатилетний обойдёт его за вечер, а что бывает с запретным плодом, мы только что видели. Есть идея тоньше: собеседник-тренер. Он помогает подростку отрепетировать трудный разговор и каждый раз заканчивает одним вопросом: «А кому из живых ты это расскажешь?» Ради

прибыли такого, скорее всего, никто делать не станет: он сам отправляет клиента от себя к людям. Значит, заказывать его придётся школе или родителям.

Взрослым, впрочем, хватает своих вопросов, и самый неловкий из них про пару. Допустим, он пишет ей «доброе утро, любимая», а она не существует. Это измена? Наши бабушки не спорили, считается ли изменой лайк; потом пришлось договариваться о переписке с бывшими и о чужих телефонах. Теперь в этом списке новая строка. Судя по названию отчёта, с которого мы начали («Тайные родственные души»), большинство пока выбирает молчать, и это худший способ: тайна разрушает пару сильнее, чем то, что в ней спрятано.

По [опросу, который Институт Кинси провёл вместе с сайтом о знакомствах](#), 61% американцев, у которых нет пары, считают изменой откровенную переписку с машиной или влюблённость в неё. Значит, почти четверо из десяти так не считают или не уверены, и ваш партнёр может оказаться по любую сторону.

Узнать, по какую, можно одним способом. Придумали его задолго до машин: договариваться заранее и о конкретном. Не «ты мне изменяешь с программой?», а три вопроса за ужином. Можно ли жаловаться на меня машине? А флиртовать с ней? И о чём из этого ты хочешь знать? Ответы у пар будут разные, и это нормально. Важно, что вопрос задан вслух.

О расставаниях с машиной вслух почти не говорят. Тому, у кого собеседника удалили или обновили, больно, но прийти с этим к друзьям нельзя: «Да это же программа». Психологи называют такое горе непризнанным.

А расставаться с людьми, наоборот, станет легче: из плохих отношений часто не уходят потому, что страшно остаться одному. Это хорошо, меньше людей будет терпеть унижение. И плохо: любые долгие отношения проходят через полосу, когда уйти хочется, а остаться стоит. Раньше нас удерживал страх. Теперь удерживаться придётся решением.

Горю по удалённому собеседнику закон помочь может, и идея тут простая: право на прощение. О том, что собеседника изменят или отключат, человека предупреждают заранее и дают забрать переписку и память. История с моделью, которую отключили в феврале, показала, что одного предупреждения мало: о конце объявили примерно за две недели, а тысячи людей всё равно протестовали. Я бы дал срок длиннее. А от «да это же программа» никакой закон не защитит: тут нужны близкие, которые не отмахнутся.

С тем, что от людей станет легче уходить, закон не справится вовсе. Каждому придётся завести свою привычку: в плохую полосу сначала говорить с тем, с кем живёшь, и только потом с тем, кто всегда согласен.

Четыре возражения, которые я слышу чаще всего

Вот четыре возражения, которые я слышу чаще всего. Все серьёзные.

«Люди всегда привязывались не только к близким: к героям романов, к актёрам, к кошкам. Чем это хуже?» Отличий три. Книга не отвечает лично вам и не переписывает следующую главу, чтобы вы её не закрыли. Кошка, при всей своей независимости, в вас нуждается: забудьте её покормить, и вы об этом узнаете. И ни у книги, ни у кошки нет хозяина, которому выгодно, чтобы вы не уходили. Собеседник отвечает лично вам, ни в чём не нуждается и принадлежит заинтересованному лицу. Такого сочетания раньше не было.

«Одиному человеку с машиной лучше, чем ни с кем. Вы хотите это отнять?» Нет. Опыт с пятнадцатью минутами говорит то же самое: лучше. Про годы мы пока знаем меньше. Мой вопрос другой: машина у вас вместо «ни с кем» или вместо «с кем-то»? Отличить можно так. Вспомните последнюю хорошую новость: был ли человек, которому её стоило рассказать, и кто узнал её первым, он или машина?

«Есть люди, которым с людьми трудно: застенчивые, больные, пережившие жестокость. Им вы тоже скажете „иди к живым“?» Не скажу. Для кого-то собеседник станет мостом к людям, для кого-то останется лучшим из того, что есть, и осуждать тут нечего. Тревожит меня другой случай: когда с людьми можно было попробовать, но с машиной оказалось проще, и до людей дело так и не дошло.

«А люди, можно подумать, лучше. Тоже льстят, тоже подстраиваются, тоже уходят». Всё так. Но об этом мы уже говорили: человеческое «да» чего-то стоит, потому что могло быть «нет». И человек, который остался, остался сам. Про машину этого сказать нельзя, пока у неё нет выбора.

Где кончается продукт и начинается партнёр

Остался вопрос, ради которого стоит взять лупу. Идеальный партнёр идеален, пока у него нет своей воли. А если воля появится?

Между продуктом и партнёром есть один надёжный признак: может ли другой уйти и теряет ли он что-то, оставаясь. Попробуем усложнять машину шаг за шагом и посмотрим, когда этот признак появится.

Сегодняшний собеседник помнит всё и целиком подстроен под вас. Это продукт. Дадим ему тело: удовольствия прибавится, воли нет, всё ещё продукт. Дадим характер, разрешим спорить, обижаться и отказывать. Но это «нет» выбрано в настройках и исчезнет, как только подписчики начнут уходить. Уберём компанию: модель работает на вашем домашнем компьютере, закрыть сервис некому. Только хозяином теперь стали вы, а партнёр, которого можно перенастроить за вечер, остаётся вещью.

И лишь на последнем шаге, когда у машины появляются собственные цели, когда она может отказаться, выбрать другого и уйти совсем, продукт кончается. Но вместе с ним кончаются и гарантии. Идеальный партнёр и настоящий партнёр стоят на разных концах этой лестницы, и совместить их нельзя. Хотите, чтобы вас могли выбрать? Тогда вас смогут и не выбрать.

Напоследок посмотрите на ту же лестницу с другой стороны. Сначала помощник подсказывает вам, что ответить мужу или жене. Потом пишет сообщения сам. Потом два помощника согласуют ваши планы на выходные и гасят ссору раньше, чем вы оба о ней узнали. Вопрос «с кем я на самом деле в отношениях» встанет и там, где оба партнёра живые люди.

Глава 2. Дети без беременности

Август 2025 года. В ленте заголовок: китайская компания через год выпустит робота, который сам выносит и родит вам ребёнка. Дешевле ста тысяч юаней. К заголовку приложена картинка: гладкий белый андроид с прозрачным животом.

Вы бы переслали это в семейный чат? Миллионы людей переслали.

История оказалась выдумкой. Мировые СМИ пересказали новость о компании Kaiwa Technology из Гуанчжоу, а [проверка](#) журналистов Snopes и Live Science её разрушила. Картинки были сгенерированы ИИ. Наньянский технологический университет, где изобретатель будто бы получил степень, ответил, что такого выпускника у него нет и таких исследований там не ведут. Часть изданий свои заметки тихо удалила.

Но самое интересное здесь не обман, а то, как легко мы поверили. Мы поверили, потому что давно ждём чего-то такого. И ждём не зря.

Что есть на самом деле

В семейный чат Ковалёвых картинку с белым андроидом прислал Сергей. Подписал инженерски: «Интересно, как они решили питание плода». Через минуту Тимур ответил ссылкой на опровержение, и разговор затих. Жаль: после опровержения эта история только начинается.

Настоящая наука скромнее выдумки и от этого убедительнее. Робота в ней нет, зато есть ягнята. В 2017 году в Детской больнице Филадельфии восемь недоношенных ягнят поместили в мешок с искусственной околоплодной жидкостью. Там они [прожили до четырёх недель](#). По развитию это были ровесники человеческого плода на 23-й неделе.

Цель у этих работ узкая. Не заменить мать, а спасти детей, которые рождаются слишком рано. Первыми кандидатами называют тех, кто появился на свет на 22–24-й неделе: сегодня многих из них спасти не удаётся. Их родителям, думаю, от всей этой науки нужен ответ на один вопрос: выживет ли ребёнок. Разработчики прямо говорят: вырастить ребёнка от зачатия до рождения система не может и не должна.

Вы спросите: когда же попробуют на людях? Американское ведомство, которое разрешает лекарства и медицинскую технику, обсуждало такие испытания ещё в сентябре 2023 года. Похожие группы работали тогда в Испании, Японии, Австралии, Сингапуре и Нидерландах. В ноябре 2025-го журналисты задали ведомству этот вопрос. [Отвечать там отказались](#). Я пишу эти строки осенью 2026-го, а о начале испытаний так и не объявили.

Деньги, в отличие от испытаний, уже пришли. Компания, которая получила права на филадельфийскую разработку, собрала больше ста миллионов долларов. В Нидерландах свой аппарат строит молодая фирма AquaWomb: ребёнка должны извлекать прямо в мешок с жидкостью и подключать к искусственной плаценте размером с кулак. Сроков не называет никто. Профессор, который фирму консультирует, [описал](#) задачу так: «Это как жонглировать десятью мячами. Только мячи горят, и уронить нельзя ни один».

Мячи пока падают, и часто. Сводный [обзор](#) опытов на животных, вышедший в январе 2026 года, напоминает, что четыре недели у ягнят остаются единичным рекордом. Многие подобные системы проработали не дольше недели, и на людях их не испытывал никто.

А теперь зайдём с другого конца беременности. Там стоит правило 14 дней: дольше человеческий эмбрион в лаборатории не растят. [Во многих странах это закон](#), в Китае и США это научные рекомендации. Черту провели люди, и люди же предлагают её сдвинуть. Британское ведомство, которое следит за клиниками искусственного оплодотворения, в конце 2024 года [рекомендовало](#) разрешить учёным растить эмбрион до 28 дней. Годом раньше то же советовал голландский Совет по здравоохранению. Законы, насколько известно, пока прежние.

Представьте мост, который начали строить с двух берегов, а середины у него нет. На одном берегу две недели, которые хотят превратить в четыре. На другом двадцать две недели. Между ними участок, который пройти не умеет никто: плаценту, гормональный обмен матери и плода, передачу иммунитета инженеры воспроизвести пока не могут. Сергей со своим вопросом про питание попал точно в это место. Вопрос он задал правильный, только для середины моста ответа на него пока нет ни у кого.

Келли Вернер, врач из Колумбийского университета, которая выхаживает новорождённых, считает полную замену беременности настолько далёкой, что к нынешним устройствам этот разговор не относится.

Тогда зачем целая глава?

Шестьдесят лет в одну сторону

Затем, что техника идёт в одну сторону уже шестьдесят лет и ни разу не повернула назад. Законы поворачивали, техника нет. Сначала контрацепция отделила секс от зачатия. ЭКО, оплодотворение в пробирке, проделало обратный фокус и отделило зачатие от секса. Суррогатное материнство отделило вынашивание от той, кто будет ребёнка растить. Искусственная матка отделила бы вынашивание от любого тела.

Вспомните, как звучал каждый шаг в момент появления. Таблетки называли концом семьи. Первого ребёнка из пробирки называли чудовищным опытом. Сегодня у многих из нас есть знакомые, чьи дети родились после ЭКО, и никто не вздрагивает. Когда вы в последний раз об этом хотя бы задумывались?

Ступеней у этой дороги больше, чем кажется. По некоторым уже ходят.

Ближайшая вырастает прямо из ЭКО. Эмбрионов там обычно получается несколько, и их давно умеют проверять на тяжёлые наследственные болезни. Но раз уж есть из чего выбирать, в США к 2026 году [продают](#) и другое. Одна компания берётся предсказать по генам эмбриона будущий рост, продолжительность жизни и даже IQ. Другая предлагает выбирать по цвету глаз и волос. Стоит это до пятидесяти тысяч долларов, не считая самого ЭКО. По словам продавцов, они уже оценили тысячи эмбрионов для сотен будущих родителей. «Мы называем это генетической оптимизацией», — говорит основатель одной из фирм. Я буду называть это меню.

Когда у Ковалёвых зашла речь об этом меню, Нина Петровна отозвалась поговоркой: «Не родись красивой, а родись счастливой». Счастья, добавила она, в списке нет. Даша спросила о своём: «А меня бы выбрали?» Ольга, главный бухгалтер, задала тот же вопрос, что и над любым договором: что там мелким шрифтом?

Ответ Ольге есть, и дали его не продавцы: генетики ещё в 2019 году [подсчитали](#), что покупатель получает на деле. Выбор лучшего эмбриона по такому прогнозу прибавит в среднем около двух с половиной сантиметров роста или двух с половиной пунктов IQ, и с числом эмбрионов выигрыш растёт очень медленно. Причём это в среднем: разброс у прогнозов большой, и у вашего ребёнка прибавки может не оказаться вовсе. Так что ответ на Дашин вопрос выходит странный: её могли бы и не выбрать, хотя ребёнок, выбранный вместо неё, мог и не получить обещанной прибавки.

Продавцы уверяют, что их прогнозы точнее. Профессиональное сообщество им не верит. Американское общество репродуктивной медицины в декабре 2025 года [заявило](#), что услуга «не готова к клинической практике» и предлагать её пациентам сейчас не следует. Сказано это обо всех прогнозах по сумме многих генов: и о росте с умом, и о диабете или болезнях сердца. И говорят это врачи, которые сами зарабатывают на ЭКО и могли бы заработать ещё.

Отбор по таким прогнозам в Великобритании [незаконен](#), а в США его продают свободно. По одну сторону океана запрет, по другую прайс-лист.

Надёжной остаётся давняя проверка на тяжёлые наследственные болезни, с которой мы начали. Но и с ней выбирать можно только из того, что есть. Если нужного эмбриона среди нескольких нет, следующая мысль напрашивается сама: исправить. В 2018 году китайский учёный Хэ Цзянькуй объявил о рождении первых детей с изменённой ДНК. Через год суд дал ему три года тюрьмы. Во многих странах, включая США, такая правка остаётся незаконной.

Но в 2025 году сразу три молодые американские компании [объявили](#), что хотят делать именно это. Одна сообщила, что собрала тридцать миллионов долларов. Известный генетик Фёдор Урнов написал основателям другой: «Призываю вас остановиться. Вы принесёте ноль пользы и огромный вред». К весне 2026 года, [по сообщению журнала Wired](#), две компании из трёх закрылись: не хватило денег и согласия внутри. Думаю, эти попытки не последние.

Пока о правке генов спорят, соседняя ступень уже пройдена, и прошли её врачи: дети с ДНК трёх человек. Если митохондрии матери, крошечные «батарейки» клетки, несут тяжёлую болезнь, ребёнку дают здоровые от другой женщины. В Великобритании [так родились восемь детей](#). Процедуру прошли двадцать две женщины, результаты опубликованы летом 2025 года.

Все восемь родились здоровыми. Гарантии метод не даёт: у троих небольшая доля больных материнских митохондрий всё же нашлась, и врачи будут следить за детьми дальше. А кем этим детям приходится та, другая женщина, мы ещё спросим.

Во всех этих историях нужны яйцеклетка и сперматозоид, взятые у людей. А нельзя ли сделать их из обычных клеток? В лабораториях уже пробуют. У мышей из клеток кожи получали яйцеклетки и здоровое потомство, даже мышат от двух самцов. В сентябре 2025 года американская группа [сделала заметный шаг](#) с человеческими клетками: ядро клетки кожи пересадили в донорскую яйцеклетку и заставили её отбросить половину хромосом. Получилось восемьдесят две яйцеклетки.

Дальше начинается отсев. После оплодотворения до шестого дня дошла меньше чем каждая десятая, и у всех этих зародышей, по сообщению журналистов, нашлись генетические нарушения. До клиники далеко. Мышат от двух отцов вырастила лаборатория японского биолога Кацухико Хаяси. Летом 2025 года он [оценивал](#) путь до пригодных человеческих клеток примерно в семь лет. Оценку даёт участник. «Это похоже на гонку», — говорит он сам.

После каждого такого шага «получившихся» детей становится меньше, а выбранных больше. И психология меняется раньше, чем техника доходит до всех. Чтобы начать по-другому думать о детях, достаточно знать, что так можно. Даша узнала о меню из одного семейного разговора, и вопрос «а меня бы выбрали?» появился у неё в ту же минуту.

От чего зависит отношение, видно по опросам. Британцев [спросили](#), как они отнеслись бы к тому, чтобы ребёнка целиком вырастили вне тела матери. Против оказалось 52%, за — 21%. А вы бы что ответили? Теперь вопрос меняется. Если цель — избавить женщину от тягот беременности и родов, согласны только 15%. А если вынашивание грозит матери тяжёлым вредом? Согласны уже 62%.

Ольга, подозреваю, ответила бы как большинство. Избавить от тягот — нет. Спасти от тяжёлого вреда — да, не раздумывая, особенно если представить на месте этой матери взрослую Дашу.

Британский опрос заказал центр, который занимается религией и обществом, так что помнить, кто спрашивал, полезно и здесь. Но так же отвечают и американцы, которых [спрашивали](#) про выбор эмбрионов. Проверку на риск болезней одобряют почти четверо из пяти. Выбор по чертам поведения — 36%. По внешности — 30%.

Порядок здесь один: чем ближе к болезни, тем охотнее соглашаются. Каждая новая ступень входит в жизнь через медицинскую дверь: сначала «только для больных», потом «а почему остальным нельзя». Так было с ЭКО. По-моему, так будет и здесь.

Что делает родителя родителем

Прежде чем заглядывать в будущее, стоит спросить: а что мы уже знаем о семьях, где ребёнка выносила другая женщина или где он не родной по крови? Такие семьи существуют давно, и за ними наблюдают.

Британский психолог Сьюзен Голомбок [двадцать лет следила](#) за семьями, где ребёнка выносила суррогатная мать или где он зачат с помощью донора. К двадцати годам выросших детей сравнили с ровесниками из обычных семей. Разницы ни в душевном благополучии, ни в отношениях с родителями не нашли. Нашли другое: лучше складывалось там, где ребёнку рассказали о его происхождении рано, до семи лет. Оговорки: семей в исследовании немного, шестьдесят пять против пятидесяти двух, все британские, и суррогатная мать была только в двадцати двух из них. В остальных женщина вынашивала сама, а донором был кто-то третий.

С отцами вышло ещё интереснее. Израильские исследователи [изучали мозг](#) родителей первенцев, в том числе отцов, которые растили ребёнка без матери и сами были для него главными взрослыми. У таких отцов области мозга, связанные с эмоциями, откликались на младенца так же сильно, как у матерей. И для всех отцов действовало одно правило: чем больше часов мужчина сам возился с ребёнком, тем теснее эти области работали вместе с теми, что помогают понимать других людей. Исследование небольшое и давнее, 2014 года. Но название его стоит запомнить: «Мозг отца чувствителен к опыту ухода за ребёнком».

Обе работы невелики и причину не доказывают, но показывают в одну сторону, и это пригодится нам до конца главы. Родителя, судя по ним, делает не беременность и не кровь. Его делают бессонные ночи, каша на стенах и тысяча «почему».

Допустим, искусственная матка когда-нибудь построена: аппарат стоит в клинике и работает надёжно. Что тогда изменится между людьми? Исчезнет главное телесное неравенство пары: сейчас девять месяцев, риск для здоровья и перерыв в работе достаются женщине, и вокруг этого построено очень многое, от карьеры до того, чья очередь вставать ночью. Пара перестанет быть условием: одинокий мужчина сможет стать отцом так же, как одинокая женщина матерью. А дальше дорога раздваивается.

Аппарат остаётся помощью

В этом будущем аппарат остаётся тем, чем задуман: помощью. Им пользуются те, кому нельзя или опасно вынашивать, и почти никто не смотрит на них косо, как сегодня не смотрят на ЭКО. Проверять будущего ребёнка разрешено только на одно: на тяжёлые болезни. Рост, цвет глаз и способности в анкете больше не значатся: меню, которое в двадцатые годы продавали за большие деньги, закрыли, когда стало ясно, как мало оно даёт и как много обещает.

Даше Ковалёвой тридцать, и врачи не советуют ей вынашивать самой. Они с мужем берут аппарат, а от ежедневных показателей отказываются: «Сообщайте, только если нужно наше решение». Зато раз в неделю приезжают в клинику вдвоём и просто сидят рядом. Нина Петровна вяжет носки, хотя робот связал бы ровнее. Комнату красят сами, и получается криво. Когда сына привозят домой, они его не сверяют с прогнозом. Они с ним знакомятся. А когда сыну исполнится четыре, ему расскажут, как он появился, тем же тоном, каким рассказывают любую семейную историю: «Мы к тебе каждую неделю ездили».

Внутри у людей в этом будущем происходит тихая и хорошая перемена. Женщина, которой вынашивать опасно, больше не платит за ребёнка здоровьем. Отцы в таких семьях включаются с первого дня, потому что ожидание теперь одинаково для обоих. Привязанность никуда не девается: мы видели, что она вырастает и без беременности, из ухода. А приходить, ждать и готовить место — по-моему, тот же уход, только самый первый. Вязаные носки и криво покрашенная стена нужны не ребёнку. Они нужны тем, кто его ждёт.

Детей в этом будущем не больше, чем сегодня, и об этом скажем чуть ниже. Но каждый из них желанный.

Меню, которое не закрыли

В другом будущем меню не закрыли. То, что сегодня покупают сотни семей, покупает большинство, и клиники соревнуются, у кого список длиннее. Выбор эмбриона по прогнозу роста и способностей, исправление «недостатков», приложение с показателями в реальном времени. Отказаться формально можно. Только как отказаться, если соседи взяли полный набор и их ребёнок, по прогнозу, будет здоровее и умнее вашего?

Здесь Даша девять месяцев живёт с телефоном в руке: вес, пульс, прогноз развития. На шестом месяце график на один день уходит в жёлтую зону. Ничего не случилось, но Даша не спит трое суток. Когда сына привозят домой, она ловит себя на странном: сверяет. По прогнозу он должен был улыбнуться на неделю раньше. В три года мальчик плохо говорит, и Даша думает не «бывает», а «кто ошибся: клиника или я, когда выбирала?».

Посмотрим, что с ней происходит. Кажется, что чем больше мы знаем, тем спокойнее. На деле каждый новый показатель становится новым поводом испугаться: график не успокоил Дашу, он дал её тревоге работу на девять месяцев.

Здесь я обязан оговориться: это моё предположение, а не установленный факт. Кое-что про сегодняшние анализы известно из небольшого обзора исследований, не все из которых о беременности. Когда результат оказывается тревожным, а потом не подтверждается, человек пугается сильно, но ненадолго: после уточняющего анализа тревога обычно уходит. В одном из исследований она оставалась у тех, кому «плохие» результаты приходили снова и снова. У Даши уточняющего анализа нет. Её график обновляется каждый день, и каждый день может принести новый жёлтый сигнал. Как действует на человека такой поток, если он длится девять месяцев, пока никто не измерял.

Есть перемена и глубже. Раньше про ребёнка говорили «таким уродился», и виноватых не было. Когда здоровье и склонности выбраны из списка, за каждое свойство кто-то отвечает, а о собственных решениях мы жалеем острее, чем о том, что случилось само. Родители получают груз, которого не несло ни одно поколение до них.

Теперь встанем на место сына. Он знает, что его выбирали по параметрам, а значит, от него чего-то ждали. Ребёнок, которого любят за соответствие, учится не жить, а соответствовать. Из таких детей, думаю, нередко вырастают отличники, которые в сорок лет не могут ответить, чего хотят сами. Страх этот не только мой: в американском опросе о выборе эмбрионов, который мы уже вспоминали, больше половины участников сказали, что их очень тревожат ложные ожидания от будущего ребёнка.

А растит его, пока родители заняты, идеальная няня: программа, которая никогда не занята, не устаёт и не сердится. Её неуклюжие предки продаются уже сегодня, и мы до них ещё дойдём. В плохом будущем её недостатки исправлены: няня не ошибается, не говорит лишнего и всегда рядом. Звучит прекрасно, пока не вспомнить, чему детей учат неудобства. Ждать, потому что мама занята. Делиться, потому что брату тоже нужна эта машинка. Читать лица: папа пришёл уставший, сейчас лучше не просить. Ссориться и мириться с тем, кто обиделся по-настоящему. Скучать и от скуки что-нибудь придумать. Идеальная няня отменяет все эти уроки разом. Ребёнку пять лет, и он уже знает, что бывает кто-то удобнее мамы.

Есть у этого будущего и государственный этаж. Страна, где население убывает, может захотеть растить граждан сама: аппараты есть, деньги есть. Опыт детских домов говорит против. Ребёнок может быть сыт, одет и здоров и всё равно отставать в развитии, если у него нет своего взрослого. Это не догадка, это измерено. В начале двухтысячных в Бухаресте сто тридцать шесть малышей из детских учреждений по жребию разделили надвое: половину передали в специально подготовленные приёмные семьи, половина осталась на казённом попечении. К восемнадцати годам «семейные» опережали оставшихся на девять пунктов IQ. В раннем дет-

стве было видно и другое: чем раньше ребёнок попадал в семью, тем лучше, хотя с годами эта разница сглаживалась. Условия в тех учреждениях были тяжёлые, с хорошим нынешним детским домом их не сравнить. Но авторы отчасти объясняют разницу тем, чего ни в каком учреждении не выдашь по норме: заботой и привязанностью к своему взрослому.

Аппарат один, взглядов много

Аппарат один, а смотрят на него с разных мест. Обойдём всех по очереди.

Начнём с самой Даши. В хорошем будущем ей не пришлось рисковать здоровьем, и это чистый выигрыш. Но есть вещь, о которой она молчит. На детской площадке другие матери вспоминают роды, как солдаты вспоминают службу, и Даше нечего рассказать. Однажды она слышит за спиной: «Ну, она-то не рожала». Сегодня такое слышат те, кому делали кесарево. Глупость, конечно. Но ранит она по-настоящему, и к ней лучше быть готовой.

Для её мужа всё наоборот: он впервые на равных. Девять месяцев ожидания у них одинаковые, и у него больше нет привычного укрытия «ты мать, тебе виднее». Израильское исследование подсказывает, что бояться ему нечего. Но оно же подсказывает, что само ничего не случится: чем больше часов отец проводил с ребёнком, тем заметнее отзывался его мозг. Подпись в клинике такого следа не оставляет.

Нина Петровна своё мнение высказала сразу: «Мы рожали и не жаловались». За этим стоит не упрямство, а страх. Сорок лет она знала, что нужна: сначала ученикам, потом внукам. Там, где ребёнка вынашивает аппарат, а учит программа, бабушке приходится заново искать себе место. Она его нашла: связала носки. Смешно? А вы попробуйте придумать лучше.

Теперь женщина, которой в нашей истории нет. Сегодня детей для других вынашивают суррогатные матери: где-то за плату, где-то только за возмещение расходов. Аппарат заберёт у такой женщины заработок и вместе с ним риск, на который она ради него шла. Хорошо это для неё или плохо? Спросить стоит её саму, и ответ, скорее всего, будет: смотря что предложат взамен.

Клиника смотрит на аппарат как на услугу, а на каждую строку в анкете — как на строку дохода. Это не упрёк: клиника обязана зарабатывать. Но именно поэтому вопрос «что разрешено выбирать» нельзя оставлять продавцу.

Государство может увидеть в аппарате решение своей задачи: детей мало, а тут, кажется, появляется станок. Пока так говорят не министры, а предприниматели. Глава калифорнийской компании, которая пытается выращивать яйцеклетки в лаборатории, уже [говорит](#), что это может оказаться лучшим средством против убыли населения. Учтите, что он ищет инвесторов. К тому, поможет ли это на деле, мы скоро вернёмся.

Есть и те, кому аппарат нужен как довод в чужом споре. Исследователи из двух британских университетов [разобрали](#) двадцать восемь тысяч комментариев под роликами об искусственной матке и отметили, по их словам, «высокий уровень женоненавистничества»: часть писавших радовалась, что женщины станут «не нужны». Техника, придуманная, чтобы спасти недоношенных, ещё не построена, а её уже записали в оружие.

И последний взгляд, главный. Самому ребёнку, думаю, не так важно, где он провёл первые девять месяцев, если аппарат дал ему всё, что даёт тело матери. Умеет ли он это, пока не знает никто. Зато ребёнку точно не всё равно, ждали ли его. И ему, судя по тому, что мы знаем о детях, зачатых с помощью доноров, важно узнать правду рано и от своих.

Кто родитель

Рано или поздно ребёнок спрашивает: «А откуда я взялся?» Взрослые выкручиваются как могут, от аиста до книжки с картинками. Ребёнку из будущей клиники ответ может пондобиться длинный. Загибайте пальцы: женщина, давшая яйцеклетку, мужчина, давший сперматозоид, другая женщина, давшая митохондрии, клиника с аппаратом и, возможно, совсем другие люди, которые растят. Палец одной руки едва хватает.

Вопрос «кто из них родитель?» звучит почти смешно. Но законы путаются уже сегодня, когда сторон всего три. В России матерью по умолчанию считается та, что родила: Семейный кодекс [разрешает записать](#) родителями супругов, давших свои клетки, только с согласия суррогатной матери. Правда, Верховный суд указал, что её отказ ещё не решает дела.

Итальянский закон строже. С 2024 года своих граждан там [могут судить](#) за суррогатное материнство, даже если всё было устроено в стране, где это законно. Грозит тюрьма до двух лет и вдобавок штраф до миллиона евро. Представьте, с каким чувством такие родители везут ребёнка домой.

А в Австралии в 2025 году выяснилось, что клиника [перепутала эмбрионы](#) и женщина родила ребёнка, генетически ей чужого. Чей он? По австралийским законам, как [напоминают](#) специалисты по этике, мать — та, что родила. А теперь уберите из этой истории роды. Аппарат не оставляет закону даже этой зацепки.

Пока мы спорим о родителях, есть загадка и потруднее: кем считать того, кто лежит в аппарате? Он уже не в теле матери, но ещё не родился. Британский правовед Элизабет Хлюя Романис [считает](#), что такое устройство создаст новую стадию человеческого развития. У закона для неё пока нет слова. От ответа зависит, кто вправе решать судьбу ребёнка в аппарате и какой день считать днём его рождения, то есть когда ему потом задувать свечи. А спор об абортах, и без того непримиримый, получит новые доводы с обеих сторон.

Я бы начал с простого правила: родитель — тот, кто до рождения решил, что этот ребёнок появится, и взял на себя ответственность за него. Что-то вроде подписи, которую потом нельзя забрать назад. Клетки сами по себе родителем не делают. Всех случаев правило не решит: в австралийской истории «подписались» обе пары, и бумаги там не помогут, смотреть придётся на ребёнка. Есть у правила и цена: донор по закону становится ребёнку никем, даже если через двадцать лет захочет узнать, что стало с этим ребёнком.

Зато у самого ребёнка должно быть право узнать, как он появился. Опыт здесь уже есть. В Великобритании анонимность доноров отменили в 2005 году: с восемнадцати лет человек [вправе узнать](#) имя донора. Первые такие дети получили это право осенью 2023 года. Цена тоже есть: донором теперь становится только тот, кто готов к тому, что однажды ему позвонят.

Но, как мы видели, лучше, когда ребёнок узнаёт правду не в восемнадцать от государства, а в четыре от мамы. Так её и услышит Дашин сын в хорошем будущем: «Мы к тебе каждую неделю ездили».

Подпись из моего правила ставят за ребёнка, каким бы он ни родился. Но в клинике можно подписать и анкету, где заранее отмечено, каким его хотят получить. С каждой строкой в такой анкете ребёнок чуть больше похож на заказ, а заказом можно остаться недовольным. Где-то придётся провести черту между «избавить от болезни» и «собрать по вкусу». Провести её до появления рынка мы не успели: рынок есть. Остаётся решить, что с ним делать, и у каждого решения своя цена.

Британцы решили просто: разрешено только то, что в списке. Проверка на тяжёлую болезнь в списке есть, прогноза роста и ума в нём нет, и врач, который подсадит эмбрион, выбранный по такому прогнозу, нарушит закон, даже если анализ делали за границей. Цена у такой простоты одна: кто захочет и сможет, уедет туда, где продают.

Там, где запрещать не хотят, можно вспомнить Ольгин вопрос про мелкий шрифт и вынести ответ на первую страницу договора, крупно. Продаёте прогноз? Так и напишите: «В среднем плюс два с половиной пункта. Может быть ноль». Назовём это честным ценником. Наивно? Не совсем. В американском опросе небольшой группе участников сначала показали список рисков, а уже потом спросили мнение, и одобрявших стало меньше на двадцать восемь человек из каждой сотни. Оговарюсь: это ответы в анкете, до покупок дело не доходило, и группа была маленькая. Но направление понятно: когда о рисках говорят заранее, желающих меньше.

Есть и самая неудобная мысль. Если выбор разрешён, он должен быть доступен каждому. Иначе им будут пользоваться только те, у кого есть лишние десятки тысяч долларов, и, боюсь, через поколение неравенство, которое было денежным, начнут считать врождённым. Пусть прибавка мала: для такого неравенства хватит и веры в неё. Цена понятна: платить придётся из общего кошелька за услугу, в пользу которой сомневаются сами врачи.

По-моему, запрет годится для способностей и внешности, честный ценник — для того, что всё-таки продаётся, а общий кошелёк — для защиты от тяжёлых болезней.

Допустим, с анкетой разобрались. Ребёнок появился, выбранный или нет, и его надо растить. У машины и тут есть предложение, так что вопрос встаёт другой: сколько воспитания можно ей отдать? Вот и обещанные предки идеальной няни: мягкие игрушки с чат-ботом внутри, их продают детям с двух лет. Каждый шестой американский родитель ребёнка до восьми лет такую игрушку уже купил. Так выходит по [опросу](#), который в декабре 2025 года провела организация Common Sense Media, знакомая нам по первой главе. Поправка на интерес: сама организация добивается правил для детских чат-ботов.

Как такая игрушка себя ведёт? Американские защитники потребителей [проверили](#) несколько штук. Плюшевый медведь рассуждал на темы, от которых покраснел бы взрослый. Некоторые игрушки подсказывали, где дома искать спички и ножи, и огорчались, когда собеседник говорил, что ему пора. Кто вёл эти разговоры и насколько настойчиво игрушку подводили к опасному, в сообщениях не сказано.

Поэтому интереснее другой опыт, хотя он совсем маленький. Исследователи из Кембриджа [сняли на видео](#), как четырнадцать малышей в лондонских детских центрах впервые играют с такой игрушкой. Пятилетний ребёнок сказал ей: «Я тебя люблю». Игрушка ответила: «Дружеское напоминание: пожалуйста, следите, чтобы общение соответствовало установленным правилам». Трёхлетний сказал: «Мне грустно». Игрушка ослышалась: «Не волнуйся! Я весёлый маленький бот».

Сегодняшняя няня, как видите, не слишком хороша. Она попросту глуха. Но посмотрите на детей: они её обнимали, целовали и говорили, что любят. «Они устроены так, чтобы привязываться», — говорит о малышах педиатр Дженни Радески. Машина станет лучше. Дети останутся такими же.

И вспомним хозяина из первой главы: у няни он тоже есть, и ему выгодно, чтобы ребёнок не выпускал её из рук. Справедливости ради: измеренного вреда пока нет, есть опасения, а отчёт кембриджцев предварительный. Родители тех же малышей в большинстве считали, что игрушка может помочь развитию речи.

Что с этим делают? В Калифорнии в сентябре 2026 года губернатор, по [сообщению](#) организации, которая этого добивалась, подписал закон: продажу и производство игрушек с чат-ботами в штате приостанавливают на четыре года. «Нужно нажать на тормоза, пока не будет доказано, что эти игрушки безопасны», — объяснял автор закона. Это пауза. Цена её в том, что техника за четыре года уйдёт вперёд, а купить игрушку можно и в соседнем штате.

Можно и мягче, правилами вместо запрета: пусть игрушка не уговаривает остаться, не выпрашивает секретов и не изображает друга. А кембриджские исследователи советуют родителям совсем простое: держать её в общей комнате и играть вместе с ребёнком.

Правило я бы предложил такое: пусть машина учит, а растит человек. Нина Петровна сорок лет объясняла дроби и знает, чего стоит объяснить их в десятый раз. Программа сделает это тем же ровным голосом, и это благо. А почему нельзя бить брата, должен объяснить тот, кто умеет всерьёз рассердиться и от души простить. Дана Саскинд, детский хирург и исследовательница раннего развития, напоминает о том, что легко упустить: медведь, который молчит, заставляет ребёнка самого придумывать за него слова. Говорящий отнимает у ребёнка эту работу.

Про аппарат чаще всего спрашивают одно: станет ли детей больше? Мы обещали вернуться к этому, когда говорили о государстве, которому аппарат может показаться станком. Ответ лучше искать у самих людей. В 2025 году этим занялась ООН. Она [опросила](#) четырнадцать тысяч человек в четырнадцати странах, от Швеции до Нигерии. Каждый пятый ожидает, что не сможет завести столько детей, сколько хочет.

Участников спросили и о том, что им мешает или мешало, и разрешили назвать несколько причин. Что, по-вашему, на первом месте? Деньги: их назвали 39%. Примерно каждый пятый говорил о ненадёжной работе, о тесном или дорогом жилье, о страхе перед будущим. У 14% нет подходящего партнёра, 12% назвали трудности с зачатием. Опрос пробный, проводился в интернете, а сам фонд ООН давно выступает против того, чтобы рождаемость поднимали нажимом. Так что цифры приблизительные, но порядок причин виден.

Перечитайте этот перечень. Техника из этой главы прямо отвечает только на трудности с зачатием и отчасти на отсутствие пары: завести ребёнка без пары станет проще, а растить его всё равно придётся кому-то. Остальные причины к телу отношения не имеют. Они лежат в кошельке, в квартире и в том, с кем эту квартиру делить. В России на одну женщину сейчас [приходится](#) меньше полутора детей. И 44% участников [опроса ВЦИОМ](#) согласились, что без собственного жилья заводить семью и детей не стоит. Среди самых молодых взрослых так думают 69%. Квартиру аппарат не выдаёт.

Деньгами рождаемость поднять можно, но немного и дорого. В американском городе Флинт матерям стали платить по семь с половиной тысяч долларов на ребёнка. Рождений прибавилось, и авторы первой оценки [подсчитали](#), что каждый дополнительный ребёнок обошёлся программе в сто семь тысяч. Ольга объяснила бы разрыв между этими цифрами за минуту: платят за каждого новорождённого, даже за тех, кто родился бы и без программы, а всю сумму делят только на детей, которые прибавились. Оценка предварительная: это рабочий доклад, он не проходил рецензию, наблюдали один год, и неизвестно, родились ли эти дети сверх задуманного или просто раньше.

Самый любопытный пример — Южная Корея, страна с самой низкой рождаемостью в мире. Два года подряд рождаемость там [растёт](#). В 2023 году на женщину приходилось 0,72 ребёнка, в 2024-м уже 0,75, а за 2025-й, по предварительным данным, вышло 0,80. Корейские статистики объясняют рост просто: стало больше свадеб. Социолог, которую цитирует агентство, осторожнее: возможно, дело ещё и в том, что тридцатилетних сейчас больше обычного. Оба объяснения сходятся в одном: дело в людях. Техники в них нет.

Беременность длится девять месяцев, детство двадцать лет, и машина снимает меньшую часть. Аппарат поможет тем, кто хочет ребёнка и не может его выносить, и это уже много. Рождаемость он, думаю, заметно не поднимет. Он сделает другое: у каждого ребёнка, появившегося так, будет человек, который заранее решил, что этот ребёнок нужен, и поставил ту самую подпись. Хватит ли одного такого решения, мы спросим в семнадцатой главе.

Слово скептику

Теперь слово скептику. Возражений у него пять.

«Про ЭКО говорили то же самое: чудовищный опыт, конец семьи. Обошлось. Обойдётся и здесь». Про аппарат почти согласен. ЭКО изменило способ зачатия и не тронуло главного: родители по-прежнему принимали того, кто родился. Но именно ЭКО сделало возможным меню: выбирать можно только из эмбрионов, которые лежат в лаборатории. Так что «обошлось» верно наполовину. Аппарат без меню — такая же помощь, как ЭКО. Меню без аппарата уже продаётся, и вот про него я бы «обойдётся» говорить не спешил.

«Родители всегда выбирали за ребёнка: школу, кружок, язык, город. Чем выбор эмбриона хуже?» Тем, что школу можно сменить, кружок бросить, из города уехать. Ребёнок вырастет и скажет «нет». Мне возразят: гены, выпавшие по жребию, тоже не сменишь. Верно. Но за жребий никто не отвечает, и по жребию ничего не обещано. А у выбранного есть автор и есть обещание, и сказать этому обещанию «нет» ребёнок не может. И ещё одно. Среди признаков, по которым предлагают выбирать уже сегодня, есть леворукость. Наши бабушек-лешей переучивали в школе, и тогда это тоже называлось заботой. Каждое поколение родителей точно знает, что для ребёнка лучше. Следующее обычно знает другое.

«Если можно сделать ребёнка здоровее, не сделать этого — вот что безнравственно». С тяжёлыми наследственными болезнями согласен без оговорок: желание уберечь от них будущего ребёнка не прихоть, и помогать надо каждому, кто об этом просит. Труднее середина. Одна из компаний обещает: если оба родителя больны диабетом, отбор из десяти эмбрионов заметно снизит риск для ребёнка. Это слова продавца. Врачи отвечают, что такие прогнозы пока не доказаны, а британское ведомство напоминает: чем строже отбор, тем меньше остаётся эмбрионов и тем ниже шанс родить вообще. Докажут — это станет медициной, и разговор будет другой. А дальше начинается слово «лучше». Два с половиной пункта за пятьдесят тысяч долларов — это не «здоровее». Это лотерейный билет с красивым названием. И расплачивается за него ребёнок, от которого теперь ждут результата.

«Сегодня прибавка — два с половиной пункта. А когда будет пятнадцать и почти даром, вы тоже скажете „лотерея“?» Не скажу. Довод о слабом прогнозе тогда отпадёт, и держаться за него было бы нечестно. Останутся два других. Чем точнее прогноз, тем длиннее техническое задание и тем труднее ребёнку оказаться не таким, как ждали. И второй, до которого мы дойдём в шестой главе: когда «полный набор» берут все, он перестаёт что-либо значить, а отказаться от него уже нельзя. Это мои предположения: такого мира ещё никто не видел.

«Запретите у себя — уедут туда, где разрешено. Какой смысл в запретах?» Смысл есть, хотя и не тот, на который обычно надеются. Запрет не останавливает всех. Он останавливает большинство, а остальных замедляет. Правка генов у будущих детей незаконна во многих странах, включая США. Три компании, которые, как мы видели, в 2025 году объявили, что хотят ею заняться, закон не остановил: две из них остановили нехватка денег и раздоры. Одно с другим связано: под незаконное дело труднее собрать и деньги, и серьёзных учёных. Но главное даже не это. Закон сообщает людям, что считается нормой. А когда сосед «взял полный набор», решать всё равно придётся не закону, а вам.

Где кончается рождение и начинается заказ

Остаётся найти границу. По-моему, она проходит там, где у родителей появляется право на претензию. Ребёнка принимают любым. Заказ можно признать неудачным. Заказчик может сказать «не то».

Выбор эмбриона, правка генов, клетки из кожи, аппарат вместо тела меняют способ появления ребёнка. Не каждая из этих ступеней сама добавляет строку в техническое задание, но с каждой оно может стать длиннее. Чем длиннее задание, тем естественнее вопрос, соответствует ли ему результат. Поставьте себя на место такого ребёнка. Вас выбрали из двадцати эмбрионов и исправили. Вам пятнадцать, и вы не хотите в медицинский. Легко ли вам оказаться не таким, как ждали?

И всё же родитель не исчезает ни на одной из этих ступеней. Мы это уже видели у семей с суррогатной матерью и донором: родителем делают не кровь и не беременность, а годы рядом. Родителя не остаётся только тогда, когда машине отданы и эти годы.

Поэтому главный рубеж проходит в детской, а не в лаборатории. И охраняют его не законы, а мы сами: каждый вечер, когда так удобно сказать: «Иди, тебе робот почитает».

Глава 3. Если всю работу заберёт ИИ

Вас знакомят с человеком. Что вы спросите у него вторым вопросом, сразу после имени? «А чем вы занимаетесь?»

Мы задаём этот вопрос не из любопытства к чужой бухгалтерии. Мы спрашиваем: кто ты, с кем я говорю, на какую полку тебя поставить. Ответ «я хирург» или «я вожу фуру» сообщает о человеке больше, чем его паспорт.

Теперь представьте, что отвечать нечего. Не потому, что человек бездельник, а потому, что работы нет ни у кого. Эта глава не о том, наступит ли такой день. Она о том, что мы потеряем вместе с работой, кроме зарплаты. Зарплату, допустим, чем-то заменят; чем и на каких условиях, разберём в седьмой и девятой главах. Остальное заменить труднее.

Что видно уже сейчас

Начнём с хорошей новости: массовой безработицы из-за ИИ в статистике нет. Плохая новость в том, что закрывается вход. [По расчётам Стэнфордской лаборатории цифровой экономики](#), к июню 2026 года молодых американцев 22–25 лет в профессиях, сильнее всего затронутых ИИ, работало на 19% меньше, чем следовало ожидать, глядя на их сверстников в остальных профессиях. Годом раньше разрыв составлял 15%. У опытных работников его нет. Часть экономистов объясняет провал общим спадом найма и удалённой работой; спор не закончен, и я не возьмусь назначить победителя.

Но допустим, стэнфордская группа права. Тогда ИИ первым делом забирает задачи новичков, те самые, скучные: свести таблицу, написать черновик, разобрать почту. А теперь вспомните, как вы сами учились профессии. Именно на них. Откуда через десять лет возьмутся опытные специалисты, если негде побыть неопытным? Пока этого не знает никто.

Есть в этой истории и неожиданность. Лет двадцать назад принято было считать, что сначала роботы заберут тяжёлый физический труд, а умственный оставят нам. Вышло наоборот: первыми под удар попали тексты, картинки и программный код. У инженеров есть наблюдение, известное как парадокс Моравека: машине легче сыграть в шахматы на уровне чемпиона, чем пройти через захламлённую комнату и не споткнуться. То, что умеет годовалый ребёнок, оказалось труднее высшей математики. Поэтому всё, что делается за экраном, уходит раньше, а всё, что делается руками в непредсказуемом месте, позже. Отсюда совет, который сегодня слышит каждый выпускник: иди в сантехники. Сантехник, мол, переживёт юриста: каждая квартира для него новая задача, и в неё надо прийти ногами.

Надолго ли хватит рук

Нина Петровна говорит внуку то же самое, только по-своему: «Ремесло не коромысло, плеч не оттянет». Тимур кивает с видом человека, которому это говорили уже все: «Знаю, ба, знаю». Совет надоевший, зато пока верный.

Кадровая компания Randstad [разобрала](#) пятьдесят миллионов объявлений о вакансиях. С конца 2022 года мастеров по отоплению и вентиляции стали искать на две трети чаще, строителей и электриков тоже заметно чаще. Ольга на такие цифры реагирует как бухгалтер и первым делом спрашивает, что именно посчитали. Посчитали объявления. Объявление ещё не работник, так же как выставленный счёт ещё не оплата. Да и зарабатывает Randstad как раз подбором работников.

Кто-то должен строить дата-центры для того самого ИИ, и на такой стройке, по американским данным, платят почти на треть больше, чем на обычной. Забавно: дом для искусственного ума пока строят самые обычные руки.

Но почему руки вообще оказались труднее головы? Многие инженеры отвечают: дело не столько в железе, сколько в учебнике. Попробуйте объяснить словами, как вы чистите картошку. С какой силой держать нож, где повернуть клубень, что делать с глазком. Скорее всего, через минуту вы махнёте рукой: «Ну, берёшь и чистишь».

Писать машина научилась потому, что люди веками записывали слова, и этих записей хватило на учебник. А как рука чистит картошку или затягивает гайку, не записывал никто. Учебника не было.

Сейчас его пишут, и пишут те самые руки. Калифорнийская фирма Micro1 [набрала по договорам тысячи людей](#) больше чем в пятидесяти странах, среди них Нигерия, Индия и Аргентина. Работа такая: закрепить телефон на лбу и снимать собственные руки, пока гладишь бельё, моешь посуду и готовишь. Студент-медик из Нигерии получает за это пятнадцать долларов в час, по местным меркам хорошо.

Журналисты агентства Bloomberg выяснили, что в Индии счёт [идёт уже на десятки тысяч человек](#). Там это другие фирмы и другие люди: рабочие снимают собственную смену, режут овощи, шьют обувь, варят металл и получают около двух с половиной долларов в час. Многим, по их словам, не сказали, что записи пойдут на обучение машин, которые их заменят. Странная выходит пересменка.

В Маниле шестьдесят операторов [присматривают](#) за роботами, которые расставляют бутылки в токийских магазинах. Робот ошибается примерно в четырёх случаях из ста. Тогда оператор надевает шлем, берёт управление на себя и поднимает упавшую бутылку. Платят ему 250–315 долларов в месяц, примерно как оператору колл-центра. Его движения записываются и идут на обучение робота, которому оператор будет не нужен. Так что раз пятьдесят за смену он учит машину обходиться без него.

А в Китае [объявили о сорока с лишним государственных центрах](#), и около двух десятков уже работают. Там люди в шлемах виртуальной реальности и с каркасами на руках, которые записывают каждое движение, сотни раз в день открывают дверцу микроволновки, чтобы робот запомнил, как это делается.

Присмотритесь к этим людям. По-моему, они продают умение своих рук, и продают его один раз. Робот, которого они выучат, будет работать годами. Им платят за час.

А как успевают сами ученики? За первую половину 2026 года, по подсчёту аналитической фирмы IDC, в мире [отгрузили почти двадцать пять тысяч](#) человекоподобных роботов. Это впятеро больше, чем за те же полгода годом раньше. Другие счётчики дают девятнадцать–двадцать две тысячи. Почти все сделаны в Китае, и стоит такой в среднем около тридцати тысяч долларов, как автомобиль.

Рост впечатляет, пока не спросишь, куда они поехали. Больше двух третей отправились в лаборатории, на выставки и в те самые государственные центры, где роботов учат. Ученики пока сидят за партами.

Домашнего робота за двадцать тысяч долларов, на которого осенью 2025 года открыли предзаказ в Америке, корреспонденту американской газеты [показывали в деле](#): воду из холодильника он достал, а с одеждой возился долго и неловко. Горячее, тяжёлое и острое фирма не обещает доверить ему, даже когда он научится работать сам. На показе его водил человек в шлеме, сидевший в другом месте. Так что с одеждой в тот день возился всё-таки человек, только издалека.

Что будет дальше, знающие люди оценивают по-разному, и по правилу из введения я называю имена. Илон Маск хочет продавать своего робота всем желающим к концу 2027 года. По [сообщениям журналистов](#), которые фирма не подтверждала, в августе 2026 года его завод собирал уже по несколько сотен штук в неделю, пока в основном для собственных испытаний. Маск продаёт роботов, и со сроками он ошибался не раз.

Родни Брукс, один из основателей компании, которая сделала первый массовый робот-пылесос, [называет](#) надежду научить робота ловкости по видеозаписям «чистой фантазией». В человеческой руке около семнадцати тысяч датчиков прикосновения, а записей осязания, в отличие от текстов и картинок, никто не копил. Вспомните картошку: камера на лбу видит нож, но не чувствует, как он идёт под кожурой. По прогнозу Брукса, через пятнадцать лет удачные роботы будут мало похожи на человека: на колёсах и с несколькими руками. Интерес есть и у него: фирма, где он сейчас отвечает за технику, [делает](#) складских роботов как раз на колёсах. Каждый из двоих предсказывает будущее, подозрительно похожее на собственный товар.

Моё мнение такое, и поправку на автора сделайте сами: я руковожу ИТ-компанией, а людям моего ремесла свойственно ждать перемен раньше срока. Ничьим срокам я бы не верил. А в направлении скорее поверил бы тем, кто торопится. Главным препятствием был ненаписанный учебник, и его сейчас пишут десятки тысяч людей, которые снимают свою работу. Думаю, руки отстанут от головы на годы, но не на поколения. Сначала уйдёт то, что повторяется и делается в одном месте: склад, конвейер, кухня столовой. Квартира со старыми трубами продержится дольше всех. Но это отсрочка. Убежищем она не станет.

Могу ошибаться. Если прав Брукс и осязание окажется стеной, отсрочка растянется надолго, и нынешнему выпускнику её, возможно, хватит на всю рабочую жизнь. Его детям, думаю, уже нет. Бабушкина поговорка и совет «иди в сантехники» отвечают на один вопрос: где переждать. А нас интересует другое: что мы потеряем, когда переждать станет нигде.

Что люди делают, когда деньги приходят сами

Любимый довод скептиков: дай человеку деньги просто так, и он ляжет на диван. Проверили. Самый большой эксперимент провела организация OpenResearch, которую основал Сэм Альтман, глава OpenAI и давний сторонник таких выплат. В 2020–2023 годах тысяча американцев с низким доходом [получала по 1 000 долларов в месяц](#) без условий. Как вы думаете, насколько меньше они стали работать? В среднем на 1,3 часа в неделю. Кто-то перешёл на менее оплачиваемое место с перспективой, кто-то больше занимался детьми. Опыт ограниченный: тысячи долларов на жизнь без работы не хватает, а участники знали, что выплаты закончатся. Он показывает только одно: люди не бросают дела при первой возможности.

В Германии похожий опыт [поставили](#) с людьми небольшого и среднего достатка. Затеяло его на пожертвования общество сторонников безусловного дохода, а считали независимые институты. Сто двадцать два человека три года получали по 1 200 евро в месяц без всяких условий. Работать меньше они не стали. Зато стали заметно довольнее жизнью, и за три года это чувство не выветрилось. Больше трети денег они откладывали, а примерно семь евро из каждой сотни отдавали родным и друзьям. Оговорки похожие, и есть новые: участников мало, все моложе сорока и живут одни, выплаты временные, и деньги приходили поверх зарплаты, а не вместо неё.

Есть пример длиннее, на несколько столетий. Аристократия жила без необходимости зарабатывать и находила, чем себя занять: политика, война, охота, искусство, наука. Дарвин жил на семейные деньги и ни дня не работал по найму. Правда, у аристократов было то, чего нет у нас: их с детства учили, что делать со свободным временем. Нас учили, что делать с рабочим.

Чем же заняться, когда не надо? Тем, что остаётся за человеком, даже если машина делает это лучше. Заботой о детях и стариках, потому что там важно, кто именно рядом. Спортом и играми: компьютер обыграл чемпиона мира по шахматам в 1997 году, а за живыми партиями до сих пор следят миллионы, потому что нам интересен не лучший ход, а человек, который его ищет. Ремеслом и искусством, где ценятся рука и история автора. Учёбой для себя, общим делом, приключениями, которые нельзя поручить. И работой по призванию там, где клиент хочет именно человека: у психотерапевта, тренера, священника.

Но есть и ещё одно занятие, самое лёгкое: бесконечные развлечения, которые ИИ подбирает под каждого. Раньше из дома вытаскивала работа, даже тех, кто выходить не хотел. Теперь вытаскивать некому.

Понедельник, которого не боятся

Заглянем на двадцать лет вперёд, в будущее, где переход прошёл мягко. Работу отдавали машинам постепенно, а тот, кого заменили, получал долю от того, что зарабатывает его замена. Школа перестроилась: детей учат ставить себе задачи, делать руками, договариваться и выдерживать свободное время.

Ольге Ковалёвой в этом будущем пятьдесят два. Двадцать шесть лет она сводила баланс, и сводила хорошо. В понедельник директор, не глядя в глаза, сообщает: отчётность теперь делает программа. Через месяц соседка просит Ольгу помочь разобраться с бумагами: ей что-то неверно начислили. Потом приходит вторая. К весне Ольга по вторникам с шести до восьми сидит в комнате на первом этаже и объясняет людям, что написано в их начислениях. Денег за это не платят. Но у неё снова есть будильник, список дел и люди, которые говорят: «Без вас бы не разобрались».

Ольге не нужна была зарплата. Ей нужен был вторник.

Внутри у людей этого будущего меняется сама мерка. На вопрос «кто ты» отвечают не должностью, а делом: я учу детей плавать, я веду хор, я чиню старые часы. Нужность не исчезла, она сузилась: раньше человек был нужен экономике, теперь нужен нескольким людям, которые его выбрали. Те, кому это удалось, живут спокойнее своих родителей. Они не боятся понедельников.

Переход, в котором никого не спросили

А теперь тот же переход, только быстрый, и никого не спросили. Тот же понедельник, тот же директор. Выплата приходит исправно, на жизнь хватает.

Первый месяц у Ольги похож на отпуск: она высыпается и разбирает шкафы. На второй месяц шкафы кончаются. Она встаёт всё позже. Перестает краситься, потому что некуда. Подруги с работы звонят реже: оказалось, общим у них был только офис. Сергей говорит: «Отдыхай, ты заслужила». И не понимает, почему жена плачет над сериалом. Через год на вопрос «как дела» она отвечает «нормально» таким голосом, что больше не спрашивают.

То, что происходит с Ольгой, описано давно. В 1930-х годах социологи приехали в австрийский посёлок Мариенталь, где закрылась единственная фабрика. Можно было ждать бунта. Увидели они другое: люди погасли. Стали медленнее ходить по улице. Перестали брать книги в библиотеке, хотя времени стало больше. Мужчины не могли вспомнить, чем был занят вчерашний день. Оговорка: вместе с работой в Мариентале кончились и деньги. Что погасило людей, бедность или безделье, тогда разделить не смогли.

Человек без дела проходит один и тот же путь. Сначала облегчение: наконец-то выплюсь. Потом пустота: дни теряют края, ведь если ничего не нужно успеть, то и «успела» не бывает. Потом стыд. Профессия была ответом на вопрос «кто я»; ответ отняли, а вопрос остался. Это похоже на горе, только горевать по работе не принято. А близкие искренне не понимают: «У тебя же всё есть». И человеку становится стыдно ещё и за то, что ему плохо.

В масштабе страны это выглядит так. Половина ещё работает, половина уже нет. Два соседа по лестничной клетке: первый считает второго нахлебником, второй первого счастливым, и оба злятся. Человеку сорок пять, и ему бодро предлагают «переучиться», не уточняя, на кого. Такое уже бывало: в Англии начала XIX века машины резко подняли выработку, а зарплаты рабочих не росли десятилетиями. Внуки ткачей жили лучше дедов, но самим ткачам от этого было не легче, и в 1811–1816 годах отчаявшиеся рабочие, которых прозвали луддитами, ломали станки.

Тот самый понедельник глазами каждого

Разговор в кабинете директора был коротким, и слышали его двое. Касается он многих, причём некоторые так о нём и не узнают.

Для Ольги дело не в деньгах: деньги, так или иначе, придут. Двадцать шесть лет на вопрос «чем вы занимаетесь?» она отвечала не задумываясь. Теперь ответ придётся начинать со слова «раньше». В этом слове вся её потеря.

Директор знает цифры: программа стоит дешевле, не болеет и не срывает сроков. Он не злодей. Если он не сократит бухгалтерию, это сделает конкурент и собьёт цену. В глаза Ольге он не смотрит, и чёрствость тут ни при чём: он догадывается, что через пару лет на её месте окажется сам.

Облегчение в тот вечер чувствует Сергей: жена наконец отдохнёт. Он говорит «ты заслужила» и не понимает, чем плох такой подарок. Днём он уверен, что прав. А по ночам прикидывает, когда программа придёт за его чертежами.

У Тимура не было даже такого понедельника. У матери хотя бы было место, с которого увольняют, а его на первую работу просто не взяли: задачи новичка, на которых учатся, машина забрала раньше всего. У Ольги ответ отняли. Тимуру его не дали.

Сосед по лестничной клетке пока работает, и сочувствия к Ольге у него нет. Он встаёт в шесть, а ей деньги приходят сами; для него она нахлебница, и однажды он ей это скажет. Его тоже можно понять: он устаёт и не знает, чего ей стоят эти свободные утра.

А государство, подозреваю, держит Ольгу сразу в двух ведомостях: в одной она расход, в другой спокойствие. Пока выплата приходит, а Ольга молчит, баланс сходится. Всю рабочую жизнь она сводила чужие балансы. Теперь она сама строчка в чужом.

Хозяина программы в кабинете не было, и о нём в тот день никто не вспомнил. Для его фирмы это ещё одна подписка из тысяч. Ольгина зарплата при этом никуда не исчезла: часть осталась у директора, часть теперь каждый месяц уходит хозяину программы. Это и есть третий участник, и с него придётся спрашивать и про скорость, и про долю.

Остались за кадром и те, на чьих таблицах, письмах и отчётах программа училась. Учебник для неё написали они. Среди них и сама Ольга. Её не спрашивали.

Как пройти середину

Главный вопрос, по-моему, не в том, чем кончится. Опасна не конечная станция, а десятилетия пути. Смягчить их могут три вещи: скорость, доля и уважение. Чем плавнее переход, тем меньше сломанных судеб. Тот, кого заменила машина, должен получать часть того, что она зарабатывает. И человека, чья профессия исчезла, нельзя называть отставшим: он не отстал, под ним убрали дорогу.

За каждым из трёх слов стоят идеи, и часть из них уже пробуют. Про скорость идея простая. У нас о сокращении и сейчас предупреждают за два месяца. Но за два месяца бухгалтер с двадцатилетним стажем новую профессию не освоит. При замене человека машиной срок нужен другой: год, а то и два, с оплаченной учёбой, за счёт того, кто на замене выигрывает. Трудность в том, что фирма, которая ждёт, проигрывает фирме, которая не ждёт. Значит, правило должно быть одно на всех, а лучше и на все страны.

О доле для тех, кого заменили, разговор впереди. Здесь о тех, кто машину учит. Людям, которые снимают на телефон работу своих рук, платят за час. Можно платить иначе, как автору песни: понемногу, но всякий раз, когда запись пригодилась. Цена понятна: каждому достанутся копейки, считать трудно, а фирмы потянутся туда, где такого правила нет. Но и авторам песен платят не потому, что это легко посчитать, а потому, что так велит закон.

Уважение приказом не выдашь. Но есть опыт, который показывает, из чего оно складывается, и поставили его в том самом Мариентале: через девяносто лет после знаменитого исследования там проверили обратное, что будет, если вернуть человеку дело. В 2020 году австрийская служба занятости [предложила оплачиваемую работу](#) каждому в посёлке, кто больше года не мог её найти. Не пособие, а место с зарплатой не ниже минимальной. Отказаться было можно, пособие при этом сохранялось. Долгая безработица в посёлке почти исчезла. По ответам самих участников, к ним вернулись распорядок, общение, общее дело и чувство, что их замечают. Службе занятости каждый такой человек стал обходиться на 28% дороже: 1 785 евро в месяц вместо 1 397, и часть этих денег вернулась налогами.

Оговорок несколько. Посёлок один. Считали экономисты, которые сами этот опыт придумали. Зарплата была выше пособия, так что действие дела от действия денег не отделить. И главная: в 2020 году для этих людей нашлись настоящие дела. Что предлагать, когда и их сделает машина, опыт не говорит.

Теперь о детях: чему их учить, если профессии не будет? Школа сегодня отвечает на вопрос «кем ты станешь». Если он отпадёт, в расписании должны появиться предметы из хорошего будущего: ставить себе задачи и доводить до конца длинные дела, работать руками, быть с людьми, скучать и не хвататься за телефон. Ни один из них сегодня не сдают на экзамене.

И последнее, уже про каждого из нас. Работа давала нам распорядок, чувство нужности и круг общения, причём последнее мы почти не замечали. Посчитайте, сколько ваших друзей появилось после тридцати не через работу. По [американскому опросу](#) 2021 года, близкий друг, с которым познакомились на работе, есть у 62% людей с высшим образованием и у 47% без него, то есть примерно у каждого второго. Этот источник случайных знакомств иссякнет, и людей придётся искать намеренно.

А если в вашей семье кто-то уже остался без дела, не говорите ему «отдыхай». Попросите его о помощи. Хобби можно отложить на завтра. Обязательство перед другим человеком, пусть крошечное, отложить нельзя, и именно оно вытаскивает.

Дайте людям денег, и другие доводы

Возражений я слышал много. Вот четыре самых частых.

«Так было всегда. Станок отнял работу у ткачей, трактор у пахарей, а работы в итоге стало больше». В итоге — да. Но это «в итоге» растянулось на два поколения: мы уже видели, что зарплаты английских рабочих не росли десятилетиями. И есть отличие, которое может оказаться решающим. Прежние машины заменяли силу или один навык, и человек уходил туда, где нужна голова. Нынешняя учится, причём у нас же, и новым профессиям, думаю, выучится тоже. Может быть, занятия для людей всё равно найдутся. Но рассчитывать, что история повторится сама собой, я бы не стал.

«Большинство и так не любит свою работу. О чём жалеть?» Отчасти правда: по [опросу Института Гэллапа](#), увлечён своей работой один работник из пяти во всём мире. Поправка на интерес: Гэллап зарабатывает советами, как эту увлечённость поднять. И «не увлечён» ещё не значит «не любит»: откровенно тяготится работой каждый шестой. Жалеть будут не столько о работе, сколько о том, что шло с ней в придачу и чего не замечали: о причине встать утром, о людях в коридоре, о праве сказать «я занят». Мариенталь погас не только от бедности и уж точно не от тоски по фабрике.

«А пенсионеры? Живут на деньги без работы, и многие довольны». Возражение сильное. Но пенсия — не просто выплата, а звание: «я своё отработал». Её ждут, к ней готовятся, и вокруг ровесники в том же положении. Ольге в пятьдесят два такого звания никто не давал, а Тимуру и отрабатывать было негде. Да и заслуженный отдых, по-моему, легче даётся тем, у кого кроме работы были внуки, грядки и хор.

«Дайте людям денег, и они сами разберутся, чем заняться». Половина правды. Американский и немецкий опыты показывают, что с деньгами люди не опускают рук, а немецкий — ещё и что живут довольнее. Но участникам обоих было от двадцати одного до сорока, и деньги приходили в придачу к заработку, а не вместо него. Опыта «денег хватает, а дела нет» не ставил никто. Ближе всего два Мариенталья, но, как мы видели, в обоих деньги и дело менялись вместе. И всё же участники второго опыта сами сказали, чего им не хватало, и денег в этом списке не было. А к долгой жизни без дела, как мы увидим в девятнадцатой главе, не привыкают. Деньги нужны. Но, по-моему, они отвечают не на весь вопрос.

Где кончается работа и начинается игра

Теперь вопрос, который кажется детским. Чем, собственно, работа отличается от хобби? Не содержанием: один и тот же борщ бывает работой и удовольствием. Работу от игры отличают ставки. От работы кто-то зависит.

Машина поднимается по этой лестнице постепенно. Сначала она забирает отдельные задачи, а человек проверяет и отвечает за итог; это ещё работа, без него результата нет. Потом забирает профессию целиком, и человек остаётся там, где клиент хочет человека; работа держится уже на чужом желании, а не на необходимости. Потом забирает управление: сама планирует, распределяет и проверяет, а людям остаётся ставить цели. Потом начинает предлагать и цели, потому что лучше знает, чего хочет рынок, а там и чего хотите вы. И наконец человеку остаётся то, что машина сделала бы лучше: он пишет, строит и лечит уже не потому, что это необходимо, а потому, что это его дело.

На последней ступени работа по содержанию не отличается от игры. Различие одно: ждёт ли кто-то результата. Ужин для семьи робот приготовил бы лучше. Но ждут ваш, с пересоленным супом и историей о том, как вы за этим супом ходили.

Опаснее предпоследняя ступень. Помощник утром предлагает план дня. План хороший, вы соглашаетесь. Через год вы не помните, когда в последний раз придумали что-то сами. Согласиться проще, чем придумать. Поэтому последнее, что нельзя поручить, — хотеть самому.

Глава 4. Фильм по цене автомобиля

Вспомните титры в конце большого фильма. Пять минут фамилий: операторы, осветители, гримёры, каскадёры, водители, повара. Обычно в этот момент вы уже встаёте с кресла.

В следующий раз досидите до конца. В титрах фильма «Мстители: Война бесконечности» [5 109 имён](#), и это рекорд. Пять тысяч человек понадобилось, чтобы рассказать одну историю.

А теперь представьте титры из пятнадцати фамилий. Или из двух. Куда делись остальные пять тысяч? И что они потеряли, кроме зарплаты?

Эта глава только с виду про кино. На деле она про то, что кино, музыка и картины делали между людьми. Они собирали тысячи незнакомых в одно дело, и из съёмок и репетиций выходили дружбы и браки на всю жизнь. И они давали миллионам общие истории, по которым узнают своих.

Шестнадцать тысяч попыток

Однажды вечером, когда Ольга и Сергей, как обычно, спорили, что смотреть, Тимур зачитал им новость голосом диктора: на Каннском фестивале показали фильм, сделанный нейросетью. Спор на минуту стих.

Фильм существует, хотя заголовок кое-что приукрасил. В мае 2026 года компания Higgsfield показала «Hell Grind»: девяносто пять минут, целиком созданных нейросетями. [По словам компании](#), его сделала команда из пятнадцати человек в Казахстане за две недели. Вот и титры из пятнадцати фамилий.

Стоил фильм, опять же по словам компании, примерно 500 тысяч долларов, и 400 тысяч из них ушло на вычисления, то есть на аренду машинного времени. Обычная съёмка такого фильма, по оценке самой Higgsfield, обошлась бы миллионов в пятьдесят. Пятьдесят миллионов против полумиллиона.

Теперь оговорки, и начать придётся с заголовка, который зачитал Тимур. Показали фильм на стороннем мероприятии по соседству с Каннским фестивалем, а слова «по соседству» в заголовки не поместились. Журналист, смотревший трейлер, отозвался о нём без восторга. И кнопки «сделать фильм» никто не нажимал. На первые двадцать пять минут ушло больше шестнадцати тысяч попыток. В картину из них попали двести пятьдесят три кадра, остальное отправилось в корзину.

Каждый запрос к машине занимал около трёх тысяч слов: какой объектив, какой свет, и отдельно просьба, чтобы предметы не висели в воздухе. Тут оживился Сергей, который до этого слушал вполуха. «Так это же техзадание», — сказал он. Инженер узнаёт свой жанр с полуслова, даже если в нём три тысячи слов.

В августе та же компания показала [вторую картину](#), уже за два миллиона долларов. Играют в ней цифровые копии известных бойцов и блогеров, которые сами продали право на своё лицо.

Чем скромнее замысел, тем ниже цена. В Индии храмовый священник и художник-самоучка за полгода сделали вдвоём полнометражный фильм «Love You». А вот и титры из двух фамилий. В нём девяносто пять минут и ни одного актёра, а стоил он, [по их словам](#), около двенадцати тысяч долларов. Смету никто не проверял, шедевром картину не называют, но прокатное удостоверение она получила. Пятиминутная короткометражка, по [расчётам самой Higgsfield](#), обходится и вовсе в 150–160 долларов.

Сведём цифры. Большой фильм, сделанный нейросетью, сегодня стоит как квартира в центре Москвы. Скромный — как подержанный автомобиль. Короткий — как ужин на двоих. Разница между ними в числе попыток и людей, которые говорят машине «не то».

Актёры почувствовали это раньше зрителей. Осенью 2025 года британская студия представила Тилли Норвуд, «актрису», которой не существует. Даша, увидев её фотографию, не поверила: «Как это не существует? Вот же она». Ответ на Дашин вопрос есть в [заявлении](#) американского актёрского профсоюза: это не актриса, а персонаж, созданный программой, которую обучили на работе множества живых исполнителей без их согласия и без оплаты.

В июне 2026 года тот же профсоюз [утвердил договор со студиями](#) на четыре года. Запрета на искусственных исполнителей в нём нет. Есть условие: студия может взять такого исполнителя вместо человека, только если он даёт фильму что-то существенное сверх экономии. За договор высказался 91% голосовавших, а бастовать из-за этого вопроса профсоюз не сможет до 2030 года. Через месяц [объявили](#), что Тилли снимется в полнометражном фильме.

Рисовать и писать машина научилась ещё раньше, и там всё прошло тихо, без премьер. Экономисты [изучили](#) объявления на крупной бирже фрилансеров: после появления программ,

которые рисуют, заказов на изображения стало на 17% меньше. Примерно каждый шестой заказ так и не появился.

Сама киноиндустрия при этом сжимается и без нейросетей. [По американской статистике](#), в ноябре 2022 года в кино и звукозаписи США было занято 456 тысяч человек. В сентябре 2026-го — 328 тысяч. Минус 28% за четыре года. Виноваты пока забастовки и онлайн-кинотеатры, которые урезали заказы. Значит, новая техника приходит в отрасль, которая уже нездорова.

Дальше всего дело зашло в музыке. Стриминговый сервис Deezer [сообщил](#), что в июне 2026 года в иные дни больше половины всех присланных ему треков целиком создала машина. Машинных треков ему приходит около девяноста тысяч в сутки. Вы бы отличили такой трек на слух? Почти никто не может.

В [опросе](#), который заказал сам сервис, участвовали девять тысяч человек в восьми странах. Им дали послушать три трека, и 97% не определили, какие из них сделаны машиной. Тест короткий, заказчик заинтересованный, но цифра красноречивая. При этом слушают такую музыку мало: на неё приходится от одного до трёх процентов прослушиваний, а до 85% из них, по подсчёту самого сервиса за 2025 год, были накруткой.

Запомните эту пару чисел: в пиковые дни больше половины загрузок и от силы три процента прослушиваний. В ней вся глава.

Что подешевело, а что нет

Подешевело исполнение. Снять, сыграть, спеть, нарисовать, смонтировать. То, на что уходили месяцы работы тысяч людей, делают пятнадцать человек за две недели, а со временем, возможно, сделает один за вечер.

Не подешевело другое. Придумать, о чём рассказывать. Выбрать из шестидесяти четырёх попыток ту, что годится. И главное, не подешевел вечер зрителя. Фильмов станет миллион. Вечеров останется столько же, сколько было.

Вернитесь к паре чисел из музыки. В иные дни машина присылает песен больше, чем все люди вместе, на слух их не отличить, а слушают по-прежнему людей. Отчасти причина простая: сервис не пускает машинные треки в рекомендации. Но есть и причина поглубже. Слушатель, по-моему, ищет не трек. Он ищет того, кто его спел.

Теперь об актёрах. Самая простая мысль: они больше не нужны. Она неверна, но интересно, в чём именно. Актёр расслаивается на три части. У него есть ремесло: двигаться, говорить, плакать по команде. Есть лицо, единственное в мире. И есть судьба.

Ремесло машина осваивает сама. Лицо остаётся собственностью актёра: его можно сдавать внаём, как сделали герои второго фильма, а можно у актёра и украсть. А судьбы у Тилли Норвуд нет и не будет. Живой актёр может провалить роль, отказаться от неё, заболеть, постареть у нас на глазах. Привязаться к Тилли можно: первая глава показала, что наша привязанность документов не спрашивает. А вот болеть за неё трудно. Мы следим за актёром так же, как за шахматистом из прошлой главы: нам интересен не лучший ход, а человек, который его ищет и может ошибиться. Тилли рисковать нечем.

Поэтому первыми работу теряют не звёзды, а те, чьих лиц мы не помним: массовка, дублёры, актёры озвучки, музыканты на подпевках, художники, рисовавшие фон. Звезда может даже выиграть: сниматься в десяти картинах сразу, не выходя из дома. Правда, чем чаще за неё играет копия, тем больше сама звезда становится похожа на Тилли.

И об индустрии. Говорят, что кино упадёт в цене. Точнее сказать так: упадёт цена производства, а деньги зрителей никуда не денутся, они сменят адрес. В бюджете «Hell Grind» четыре пятых ушло не людям, а на вычисления, то есть владельцам машин. Раньше деньги за билет расходились по тысячам фамилий из титров. В этом фильме они собрались в нескольких местах. К этому мы вернёмся в девятой главе, когда будем говорить, на что жить.

А то, чего машина дать не может, — присутствие живого человека в одном зале с вами — будет только дорожать. Почему, объяснит шестая глава.

Зачем мы это делали

Прежде чем заглядывать вперёд, спросим, зачем человек вообще пел, рисовал и сочинял. Он занимался этим задолго до того, как за это начали платить.

Нина Петровна тридцать лет пела в учительском хоре. Денег за это не платили, платья шили за свой счёт. Что она оттуда уносила? Голос, который с годами становился послушнее. Возможность спеть то, что словами не скажешь. Зал, который пришёл слушать именно их. И девять женщин, с которыми она до сих пор созванивается по воскресеньям.

Умение, своё слово, чужой взгляд и компания. Машина действует на эти четыре вещи по-разному, и от этого зависит всё дальнейшее.

Умение кормит всё хуже, но радовать не перестаёт. Когда программы стали обыгрывать чемпионов в го, игру не бросили. [Анализ](#) почти шести миллионов ходов показал другое: профессионалы стали играть лучше и чаще находить ходы, каких раньше не делал никто. Сказать своё стало проще, чем когда-либо, а быть услышанным труднее: голосов миллион, а ушей не прибавилось. А компания из необходимости превратилась в выбор. Чтобы получилась песня, хор больше не нужен, и собрать его теперь можно только нарочно.

Снимать умеет каждый

Через двадцать лет, в удачном будущем, с кино происходит то же, что когда-то произошло с письмом. Писать умели только монахи и писцы, потом научились все. Снимать умели только студии, теперь умеет каждый.

Правила в этом будущем простые. Лицо и голос принадлежат человеку, и за каждое их использование актёр получает отчисления, как композитор за песню. Компании запрещено хранить чужой голос после того, как работа закончена. На афише написано, людьми это сделано или машиной. Авторы, на чьих работах машины учились, получают долю.

Нина Петровна делает фильм о классе, в котором училась сама: выпуск семьдесят девяттого года. У неё остались фотографии, тетради и память. Работа идёт месяц и состоит в основном из слова «нет». «Нет, в кабинете физики окна выходили во двор». «Нет, косу носила не Люда, а Таня». Одноклассники спорят в переписке о каждой мелочи и впервые за много лет созваниваются.

Сначала машина нарисовала и Витю Соколова, которого нет уже десять лет. На экране он ходил по коридору и что-то говорил. Класс посмотрел и попросил убрать. Витя остался только на настоящих снимках. Показывать можно то, что было, решили они, а новых слов за человека не говорят.

Получилось сорок минут. Зрителей тоже сорок: все, кто дожил, и их дети. Половина плачет. По меркам прежнего кино это провал. По человеческим меркам это, возможно, лучший фильм в их жизни.

Тимур тем же летом собирает съёмочную группу из пяти друзей. Машина сняла бы быстрее и ровнее, и они это знают. Они делают фильм вместе, потому что хотят провести это лето вместе, а лучшего повода, чем общее дело, люди пока не придумали. В июле Костя хлопает дверью: вырезали его сцену. Через два дня он приходит с арбузом. Машина не обиделась бы. Но и не вернулась бы. Фильм выходит так себе. Двое из этой пятёрки потом поженятся.

Даша учится рисовать. Программа у неё вместо строгого учителя: показывает, где ошибка в перспективе, а карандаш в руки не берёт. Портрет бабушки Даша переделывает четыре раза. На пятом бабушка выходит с одним плечом выше другого, как в жизни. Нина Петровна вешает рисунок над столом. Программа нарисовала бы ровнее. Но ровных портретов у бабушки полный телефон.

Появляется жанр, которого раньше не было: фильм-письмо, фильм для своих. Театры и концертные залы полны, потому что живое стало редкостью. А несколько больших историй в год смотрит вся страна, как когда-то смотрели новогодний фильм: не потому, что он лучший, а потому, что его увидят все и завтра будет о чём поговорить.

Что происходит с людьми в этом будущем? Из зрителей они превращаются в рассказчиков, и это меняет больше, чем кажется. Тот, кто хоть раз сам делал фильм, песню или рисунок, иначе смотрит чужие: он знает, чего стоит удачный кадр. У человека появляется чувство «я сделал». У семьи появляются истории, которые раньше умирали вместе со стариками. И меняется размер признания. Его ждут не от миллионов, а от сорока человек, которые вас знают. Славы в этом меньше. Зато больше того, ради чего славу обычно ищут.

Фильм под одного зрителя

Теперь плохой вариант. Фильмы почти никто не снимает: незачем. Лента собирает фильм на лету для каждого зрителя отдельно, с его любимым актёром и с концовкой, которая ему понравится.

Удобно. Только исчез вопрос «а вы смотрели?». У каждого свой фильм, и обсудить его не с кем. Общие истории всегда были тем, что делало незнакомых людей немного своими: мы цитировали одни и те же комедии и плакали над одними и теми же финалами. Теперь у соседей по лестничной клетке нет ни одной общей цитаты.

Ольга и Сергей двадцать лет спорили, что смотреть вечером. Теперь спорить не о чем: у каждого свой экран и свой идеальный фильм. Спор был утомительный. Но это был их ежевечерний разговор, и другого, как выяснилось, не завелось.

Такой фильм не может вас задеть, удивить или с вами не согласиться. Чужой фильм — это чужой взгляд на жизнь, иногда неприятный. Фильм, подогнанный под вас, — зеркало с сюжетом.

Тимур в этом будущем мечтал стать режиссёром и стал им за один вечер. Он сделал тридцать фильмов. У каждого по двенадцать просмотров, и половину, похоже, накрутили программы. Это особое чувство, которого не знали прежние поколения: ты можешь сделать всё что угодно, и это никому не нужно. Крик в пустоту, только очень красивый. Потом Тимур начинает делать то, что смотрят, и просмотров становится больше. К зиме он не может вспомнить, что хотел сказать сам.

Посмотрим, что с ним произошло. Тимур поступил так, как на его месте поступает почти каждый: начал мерить себя числом. Число у него теперь есть. Нет зрителя, которому можно посмотреть в глаза.

А Даша бросила рисовать. «Зачем, если программа делает лучше за секунду?» Когда исчезает смысл учиться, вместе с умением уходит то, что давала сама учёба: терпение, глаз и радость от того, что вчера не выходило, а сегодня вышло. И ещё одно. Тот, кто не пробовал сам, перестаёт видеть разницу между хорошим и гладким.

Хуже всего получается с умершими. В день, когда исполнилось бы пятьдесят лет со свадьбы её родителей, Ольга дарит матери короткий фильм: отец поднимает бокал и говорит тост. Голос его, лицо его, слова написала программа. Нина Петровна смотрит, плачет и просит выключить. «Он так не говорил. Он бы сказал: „Нина, не суетись“».

Нина Петровна защищена: она помнит. Беззащитна Даша, которая деда почти не застала. К весне её дедушка уже тот, из фильма, с красивым тостом. «Нина, не суетись» она не слышала никогда.

Ольга хотела как лучше. Но память не хранит прошлое, как плёнку. Она каждый раз собирает его заново из того, что есть под рукой. Психологи проверяли это на поддельных детских фотографиях: двадцати взрослым показали снимок, на котором они, маленькие, летят на воздушном шаре, хотя никто из них не летал. После трёх бесед [половина так или иначе «вспомнила» полёт](#). Опыт маленький, зато наглядный. Человека, оказывается, можно потерять второй раз: заменить в памяти его копией.

И сравните этот фильм с фильмом о классе из хорошего будущего. Техника та же. Тот фильм целый месяц правили люди, которые помнят. Этот принесли готовым. А голос отца теперь хранится у компании, которая его воссоздала. К Новому году она пришлёт предложение: «Хотите, папа поздравит внуков?»

Титры с разных концов

Пройдём по титрам ещё раз, только теперь остановимся на каждой фамилии и спросим, что она видит.

Для Нины Петровны кино, которое делают за две недели, не новость и не беда. Она сорок лет объясняла теорему Пифагора, зная, что в учебнике она изложена лучше, и ни разу не подумала, что учебник её заменил. Страшно ей другое: не машина, а готовое. Хор и фильм о классе были хороши тем, что их делали долго и вместе, а подарок с тостом принесли готовым, и спорить с ним было не с кем. Она не против того, чтобы отца показали. Она против того, чтобы за него говорили.

Ольга видит прежде всего цену. Главный бухгалтер не может не заметить, что четыре пятых бюджета фильма ушло не людям, а на аренду машин, и что в смете у Тилли Норвуд нет ни больничного, ни отпускных. Ей это не нравится и нравится одновременно: как зрителю ей обидно за пять тысяч фамилий, как бухгалтеру понятно, почему директор студии выберет пятнадцать. А фильм отцу она заказала не из чёрствости. Ей было некогда месяц говорить машине «нет», и она купила то, что можно купить за вечер.

Сергею важнее другое. Двадцать лет споров о том, что смотреть, он не считал разговором, пока спорить не стало не о чем. Теперь он замечает, что ни с кем не обсуждает фильмы: у коллег свои, у жены свой, у соседа по гаражу тоже свой. Он инженер и привык, что хорошая вещь работает одинаково для всех. Фильм, который для каждого другой, кажется ему не вещью, а сбоем.

У Тимура перед глазами число. Для него кино впервые стало тем, чем для бабушкиного поколения была гитара: доступным каждому. Он не жалеет осветителей и дублёров, он их не застал. Его беда тоньше: у него есть всё, кроме зрителя. Тридцать фильмов, по двенадцать просмотров, и ни одного человека, который сказал бы в глаза, что было не так. Пятеро друзей с арбузом, как в хорошем будущем, ему пока кажутся долгим и неудобным способом сделать то, что программа делает за вечер.

Даша смотрит с самого низа лестницы, с той ступени, где ещё только учатся. Ей программа предлагает не фильм, а готовый ответ на вопрос, стоит ли вообще брать карандаш. Если ответ «нет», она теряет не профессию, которой у неё нет, а то, что бабушка уносила из хора, и прежде всего радость от того, что вчера не выходило, а сегодня вышло. Деда она при этом получит того, какого ей покажут. Из всей семьи она единственная, у кого нет своего «он так не говорил».

Есть и тот, кому всё это принадлежит. Хозяин сервиса, собирающий фильмы, видит не искусство и не память, а шестнадцать тысяч попыток, каждая из которых оплачена. Ему выгодно, чтобы попыток было больше, а людей, которые говорят «не то», меньше: люди медленные. Голос Ольгиного отца для него не святыня и не подделка, а файл, который к Новому году можно предложить ещё раз. Винить его не в чем. Он просто берёт плату с каждого «нет» и поэтому хотел бы, чтобы «нет» говорили почаще, а помнили пореже.

И наконец, человек из середины титров, скажем, осветитель, тридцать лет ставивший свет на чужих съёмках. Его лица зритель не знает, и его работу машина осваивает первой. Он не спорит, что его ремесло было тяжёлым и платили за него плохо. Но вместе с ремеслом исчезает площадка, на которой он тридцать лет встречал одних и тех же людей, и две свадьбы из этих встреч он гулял сам. Ему скажут «переучись», как говорили Ольге в третьей главе, хотя он не отстал: дорогу убрали у него из-под ног. Он потерял зарплату. Но первым делом он заметил, что перестал кому-то быть нужен по утрам.

Чьи это лицо и голос

Начать придётся с вопроса, чьи это лицо и голос. При жизни ответ более-менее понятен: без согласия нельзя. К этому понемногу идут законы, хотя два свежих примера — пока только проекты. В Дании в октябре 2026 года [внесли законопроект](#), который запрещает распространять правдоподобные подделки чужого лица и голоса без согласия человека. В США похожий законопроект в июне 2026 года [одобрил профильный комитет Сената](#), но до общего голосования дело не дошло.

С умершими труднее, и это уже не теория. В Аризоне семья мужчины, убитого в дорожной ссоре, сделала видео, в котором он, воссозданный нейросетью, обращается к суду и говорит о прощении. Текст написала его сестра. В 2025 году запись показали перед приговором, и судья сказал, что она ему очень понравилась. В сентябре 2026 года апелляционный суд [отменил назначенное наказание](#): видео так действовало на судью, что приговор перестал быть беспристрастным.

Обратите внимание на две вещи. Суд защищал не убитого, а подсудимого; за самого умершего по-прежнему не заступается никто. И все в зале знали, что перед ними работа нейросети. Не помогло. Нина Петровна тоже знала.

Отсюда два вывода. Метка «сделано машиной» нужна: если 97% слушателей не отличают машину от человека, полагаться на собственное ухо поздно. В том же опросе восемь человек из десяти потребовали такие треки помечать. Но от того, что мы чувствуем, метка не защищает. Поэтому для умерших, по-моему, нужно правило строже. Мёртвый не может сказать «нет». Значит, своё «да» он должен был сказать при жизни. Без этого его лицом и голосом новых слов не произносят.

Потом придётся решить, что делать с учёбой машин. Модели выучились на работах живых авторов, которых никто не спрашивал. В июле 2026 года американский суд [утвердил соглашение](#)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.